

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

**НЕУЛОВИМЫЕ
ТЕНИ**

Петля

Сергей Бакшеев

Неуловимые тени

«Автор»

2019

Бакшеев С. П.

Неуловимые тени / С. П. Бакшеев — «Автор», 2019 — (Петля)

ISBN 978-5-9910-3792-1

К расследованию серии убийств чиновников подключают Петелину. Группой руководит главный специалист по маньякам Кулик. Его метод – вжиться в образ убийцы и предугадать его действия. В какой-то момент Петелина начинает подозревать, что маньяком может быть кто-то из своих. Петелину отстраняют, но она близка к разгадке и продолжает расследование самостоятельно. Теперь любая ошибка может стоить ей жизни.

ISBN 978-5-9910-3792-1

© Бакшеев С. П., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
1	7
2	10
3	12
4	13
5	15
6	18
7	22
8	25
9	29
10	31
11	34
12	36
13	40
14	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Бакшеев

Неуловимые тени

Пролог

За окном кабинета шел дождь, нудный и беспросветный. Серое небо давило безысходностью, словно свинцовый купол.

Превозмогая мучительные вспышки головной боли, скорбная фигура подошла к столу, рука потянулась за телефонной трубкой, пальцы в одноразовых перчатках набрали цифры телефонного номера.

Голос из-под капюшона прозвучал неожиданно строго:

– В ваш кабинет проник вор, пытался вскрыть сейф. Срочно приезжайте.

Больше говорить не требовалось – сейчас примчится. Проникший в кабинет человек потом еще не раз убеждался, что эта фраза на всех чиновников действует безотказно. Ведь звонок шел с их рабочего телефона.

В ожидании хозяина непрошенный гость включил телевизор, неприлично большой для служебного кабинета, пощелкал кнопками каналов. Новая техника органично вписывалась в дорогой интерьер. Ну зачем такая роскошь руководителю областного департамента здравоохранения?

Субботним утром на одном из каналов повторяли неувядающий сериал «Место встречи изменить нельзя». Выбор пал на него. Пусть звучит как фон, вроде как в кабинете работают оперативники. И пусть горит настольная лампа. Звуки и свет отвлекут вошедшего на пару секунд, он не заметит притаившегося за дверью.

Так и случилось. Чиновник примчался быстро, ворвался в кабинет, метнул испуганный взгляд на освещенный стол и в сторону сейфа – не вскрыт. Душевное облегчение совпало с уколом из шприца-пистолета в его шею. Бедняга вздрогнул и выпучил глаза – на большее сил не хватило. Теперь он точно успокоится, но ненадолго. Ровно настолько, чтобы подготовиться к казни.

Заведующий отделом очнулся с кляпом из скомканных бумаг во рту, привязанный по рукам и ногам к любимому креслу. Лишь его правая рука безвольно покоилась на столе в круге света настольной лампы. Вытаращенные глаза пытались рассмотреть незнакомца: кто, почему? Тот, явно страдая от головной боли, не заставил себя долго ждать и объяснил из-за чего он здесь, и что сейчас произойдет.

Обвинения звучали дико, угрозы – неправдоподобно, однако, закончив короткую речь, странный человек сразу взялся за дело. В его руке появился широкий нож. Острое лезвие плавно проплыло перед глазами пленника и резко опустилось на запястье.

В этот момент связанный человек понял смысл только что услышанных слов «местная анестезия». Он видел, как кромсают его руку, но чувствовал только подергивание в плече от резких движений мучителя.

Первым был ампутирован указательный палец правой руки, за ним средний. Смотреть на искалеченную руку было невыносимо, а садист и не думал останавливаться. Лезвие ножа надрезало кожу и впилось в сухожилия большого пальца. Ужас переполнял чиновника, но все усилия высвободиться оказались тщетными, мольба о пощаде тоже не помогла. Мышцы не слушались его, рот был забит бумагой, на брюках расплывалось позорное мокрое пятно.

Мучитель попал ножом в щель между костяшками, надавил обеими руками – и большой палец отделился, отлетев к двум, отрезанным ранее. Палач перевел дух, полюбовался проделанной работой и посчитал, что достаточно.

Отрезанные пальцы полетели в корзину для мусора, изуродованная рука осталась на столе. Оба наблюдали, как кровь глянцевой кляксой растекается на полированной поверхности, только болезненные глаза мучителя постепенно теплели, а взгляд чиновника кричал об ужасе.

Бледное лицо палача оживало. Он пришел сюда с жуткой головной болью, а сейчас вспышки затихали, словно боль уходила вместе с кровью жертвы. Желая ускорить процесс, садист перерезал артерию на бедре связанного чиновника. Кромсал глубоко, чтобы наверняка. Кровь толчками покидала обреченное тело, пропитывая брюки и образуя алую маслянистую лужу под ногами жертвы. Толчки становились реже, теряли прежнюю силу, а вскоре прекратились совсем.

Тело в кресле обмякло, потеряло внутреннее тепло.

Мучитель почувствовал невероятное облегчение. Боль, впивавшаяся кривыми иглами в его мозг, уступила место сладкому блаженству. По контрасту новое ощущение казалось удивительным и неповторимым подарком небес, возможным лишь раз в жизни. Впоследствии убийца убедился, что это не так, и он способен достичь блаженного катарсиса многократно.

Насладившись негой удовольствия, палач развязал жертву, удалил кляп изо рта, подложил под изуродованную руку чистые листы бумаги. Хрипловатый голос Владимира Высоцкого заставил его обернуться. Телевизор работал, трансляция сериала продолжалась. Пронзительный взгляд знаменитого актера в роли капитана милиции Жеглова, казалось, одобрял его действия. Эта мысль понравилась палачу и, уходя, он не стал выключать телевизор.

У порога гость обернулся. Отремонтированный, шикарно обставленный кабинет выглядел умиротворенно. Большой стол и кипа папок загораживали кровавые следы расправы. Отсюда казалось, что уставший от работы чиновник подписывает важные документы.

Два года спустя...

1

В трубке мобильного телефона прозвучал сухой мужской голос: «До скорой встречи, Петля», – и связь прервалась.

Елена Петелина взглянула на дисплей – высветившийся номер ей не знаком. Подождала – повторного звонка не последовало. По спине пробежал холодок тревоги. Теперь ей казалось, что голос был отнюдь не бесстрастным, а угрожающим, и, хуже того, смутно знакомым.

За годы службы старший следователь Следственного комитета майор юстиции Елена Павловна Петелина отправила за решетку десятки опасных преступников. Мало кто из них принял наказание как должное, благодарных, разумеется, вообще не наблюдалось, а вот обещавших поквитаться – хватало. Большинство из угрожавших – кичливые пустобрехи, но могли быть и те, кто во всех своих бедах винил именно ее и зациклился на мести. Если это голос одного из таких отморожков...

Как поступить?

Она может пробить номер по базам данных, но, если преступник не полный дебил, эта информация ей ничего не даст. Перезвонить в ответ и огрызнуться – значит показать свою уязвимость. Изучить дела всех, кто был осужден и недавно освобожден, но так недолго и самой впасть в паранойю. Тем более, время сейчас такое, что звонить могли прямо из колонии, чтобы запугать и посмеяться.

Ну уж нет, не дождетесь! Она продолжит работу, как ни в чем не бывало. Не запугаете! Хотя раньше, отдавая дочку в спортивный клуб, она пользовалась служебным положением и проверяла имена тренеров по базам данных насильников и педофилов. Но сердце матери – это одно, а мозг следователя лишен страха. По крайней мере она должна к этому стремиться.

– Так-так. – Протяжный возглас, прозвучавший из открывшейся двери кабинета, вернул Петелину к действительности. – И как ты это объяснишь?

В дверях стоял полковник Харченко. Ну кто еще мог заявиться к старшему следователю без предупреждения и без стука – кончено же непосредственный начальник. В руке Юрия Григорьевича угрожающе покачивалась какая-то бумага.

– А ну-ка встань, – потребовал он.

Елена встала, пытаясь понять в чем дело.

– Пройдись, я хочу посмотреть. Да не стесняйся ты, Лена. Пройдись, как по подиуму: туда-сюда, а я оценю.

По уязвленному тону начальника Елена уловила, что полковник удивлен не меньше ее. Только он что-то знает, а она еще нет.

– Что случилось? – спросила Петелина, выходя из-за стола.

– Я его понимаю, отличный выбор – и голова у тебя работает, и то что ниже – глаз радуется.

Харченко рассматривал ее по-мужски, с оценивающим прищуром. Елена предпочитала небрежно-элегантный стиль, на ней были черные свободные брюки и укороченный блейзер с приталенной блузкой кремового цвета. В первую секунду она невольно приосанилась, вспоминая, проглажены ли брюки, подходят ли туфли, и что там с прической.

А во вторую секунду топнула ногой и грозно свела брови, перехватывая нескромный мужской взгляд:

– Юрий Григорьевич!

– Извини, – примирительно вскинул свободную руку Харченко и снова стал тем мягким озабоченным начальником, к которому она привыкла.

Он протянул ей бумагу:

– Мне приказ из главного управления прислали. Вот, прочти. Только сядь, а то еще упадешь.

Елена покорно села за стол, пробежала глазами документ, увидела свою фамилию и ухватила главное:

«...командировать в распоряжение следователя по особо важным делам полковника юстиции Кулика Б.Е.»

– Тот самый Кулик, «важняк» по маньякам? – озадаченно уточнила она.

– Борис Евгеньевич Кулик, – кивнул Харченко, присаживаясь напротив Петелиной. – По праву считается лучшим специалистом по расследованию серийных убийств. На его счету немало громких дел. Не буду перечислять, ты сама слышала.

Еще бы. Не только слышала, но и не раз видела харизматичного уверенного в себе полковника в криминальных новостях по телевидению, комментирующего задержание очередного убийцы.

Елена придвинула ноутбук, вбила в строку поиска имя и должность Кулика. На экране появилась фотография высоколобого мужчины с прямым пронзительным взглядом. Выглядит, как киноактер, слегка за сорок, давно в звании полковника, явный претендент на генеральскую должность. Вот Харченко уже за пятьдесят, он много лет только мечтает написать какой-нибудь учебник, а по результатам расследований уже Кулика снято несколько настоящих фильмов. Пусть пока документальных, но, дайте срок, и до художественных дело дойдет.

– Сейчас Кулик ведет дело Живореза, – продолжил Харченко. – Основные случаи зафиксированы во Владимирской области, поэтому группа работает там. Завтра ты должна к ним присоединиться.

Петелина, разумеется, знала о серии жестоких убийств. Всем жертвам вкалывали обезболивающее, поэтому они были в сознании и могли видеть, как отсекают кисть их собственной руки, поэтому неизвестный маньяк фигурировал в деле под кличкой Живорез. Затем жертва умирала от потери крови, после того, как ей перерезали артерию на шее или бедре.

– Странно, Кулик мне даже не звонил, – задумчиво произнесла она, не зная, как отнестись к неожиданной командировке.

– У него много странностей. Говорят, именно поэтому ему удается понять психологию маньяков.

– Почему я? В Главном управлении хватает...

– ...конкурентов, которые могут присвоить лавры победителя, – перебил ее Харченко. – Я думаю, Кулику нужен свежий взгляд толкового сыщика, не искушенного в аппаратных интригах.

– Ах, вот какой у меня недостаток.

– К тому же ты красивая женщина, а про Кулика ходят слухи... – начальник потупился.

Елена не стала уточнять, о чем умолчал Харченко. И так ясно – успешный отважный мужчина с внешностью киногероя имеет успех у женщин, и, скорее всего, этим пользуется.

Она недовольно оттолкнула бумагу:

– Даже не поинтересовались моим мнением – сразу приказ. А если я не согласна?

– Отказываешься? – ехидно спросил Харченко.

Елена поджала губы. Оба понимали, что участие в подобном расследовании – это прекрасный шанс проявить себя и продвинуться по службе. Одно дело работать в округе по местным делам, и совсем другое стать следователем федерального уровня.

– Я не отказываюсь, но мне комфортнее, когда рядом...

– Валеев? – За долгие годы Харченко научился читать по глазам ее мысли. Полковник решительно мотнул головой: – Даже не думай. Да он и не из нашего ведомства.

Оперуполномоченный Марат Валеев сопровождал Елену не только по службе, но и в личной жизни. Они несколько лет жили в гражданском браке и, зная характер Марата, Елена представила его ревность, когда он узнает, что ей предстоит день и ночь работать в другом городе вместе со знаменитым следователем. И дело не в том, что Кулик нравится женщинам.

Марат не показывал виду, но страдал от того, что до сих пор он капитан полиции, младше жены по званию. А тут рядом с ней будет успешный полковник, который всего-то лет на пять старше Марата. Уязвленное честолюбие будет подогревать его ревность.

– Хорошо, – согласилась Петелина, упрямо склонив голову. – Но Миша-то Устинов из нашего ведомства. Я требую усилить им общую группу.

Речь шла об эксперте-криминалисте по прозвищу Головастик. Он работал не только качественно, но и быстро, что немаловажно для успешного расследования. Однако главным для Елены сейчас было другое. Она надеялась, что если группу войдет знакомый Марату человек, это сможет развеять его ревнивые домыслы.

Проницательный Харченко, помолчал, тяжело вздохнул: ох уж эти семейные нежности, – и согласился:

– Я согласую кандидатуру Устинова и выпишу ему командировку. Копию дела Живореза тебе передадут через канцелярию.

– А что с моими? – Елена прихлопнула ладонью стопку пухлых папок с уголовными делами.

– Об этом не беспокойся, распределю. – Уходя, полковник обернулся. В его голосе прозвучали нотки отеческого волнения: – Ты уж давай там, не посрами мою седую голову.

2

Остаток рабочего дня у следователя Петелиной ушел на передачу текущих дел коллегам. Не все были рады новой нагрузке: и без того зашиваются, а тут любимица Харченко улетает под крылышко крутому «важняку», спихивая на них серую рутину. И никто не верил, что не обошлось без протекции. Елена и не пыталась доказать обратное, начнешь оправдываться – дашь повод новым слухам, отчего вдруг симпатичная женщина понадобилась яркому мужчине?

Со стороны кажется, что звания на погонах уравнивают женщин с мужчинами, но форма лишь подчеркивает гендерное различие – майора в брюках и майора в юбке коллеги провожают разными взглядами. И ладно бы речь шла только о направлении взора. А скрытый скепсис в глазах? Мужчины-следователи никого не должны убеждать в своих способностях. Женщинам приходится это делать постоянно.

Помимо служебной суеты голова Петелиной была занята предстоящими семейными хлопотами. Как все успеть за остаток вечера? Купить продукты, приготовить еду на два-три дня, постирать самое необходимое, проинструктировать маму о расписании тренировок дочери, объяснить с Маратом, собраться самой, и урвать от сна пару часов на изучение дела Живо-реза.

Зазвонил мобильный – Настя. Еще не услышав дочь, Елена знала, о чем та ей напомнит.

– Мама, я на складе, получаю спортивную форму для сборной. Выдали огромную сумку. Где ты? Ты же обещала подвезти.

– Помню-помню, – пролепетала Елена, открывая на дисплее карту с дорожными проб-ками.

Как же все некстати: дорога на склад и домой – часа полтора, как минимум, а если осен-няя хмарь разразится дождем и того больше. Но дочери и так достаются крохи ее внимания. В последний вечер она обязана быть больше мамой, чем майором юстиции.

Елена придала голосу жизнерадостность и, собирая вещи, завершила:

– Уже выезжаю.

Спортивная сумка на колесиках действительно оказалась огромной. Туда при желании могла поместиться худенькая Настя. Дочь пихнула красивую сумку на заднее сиденье автомо-биля и втиснулась рядом. Ее личико светилось от счастья.

– Тут два комплекта одежды, ботинки, перчатки, насадки для щеток, секундомер – все самое классное и с моей фамилией. Представляешь?

– Поздравляю! – от души порадовалась Елена.

В этом сезоне Настю включили в состав юношеской сборной России по керлингу. На следующей неделе она должна отправиться на юношескую олимпиаду в Норвегию. Сегодня команда получила специальную форму сборной страны.

– Посмотри! – Настя с энтузиазмом перебирала и демонстрировала вещи. – Толстовка, поло, жилетка – красные и светло-серые, а еще теплая куртка. Команда обязана ходить в оди-наковой форме, даже в свободное время. У меня еще никогда не было формы с фамилией. Дома сфотографируюсь, выложу в инете, пусть учителя видят, что я не просто так занятия пропускаю.

Елена вела машину, поглядывая в зеркало на счастливую дочь. На спортивной форме были вышиты герб, флаг и название страны, а на спине латинскими буквами их фамилия: Petelina. Сердце радовалось за успех дочери. Ради таких моментов родители и живут.

Елена включила мигалку, перестроилась в крайний левый ряд и встала на светофоре в ожидании стрелки.

– Мама, ты куда? Мне на тренировку в «Новую лигу», – возмутилась Настя.

Только сейчас Елена заметила у дочери рюкзак, с которым та ездила на тренировки по керлингу.

– И сколько тренировка продлится?

– Полтора часа. Ты же подождешь?

Ну как отказать любимой дочке в такой день.

– Подожду, – обреченно ответила Елена, понимая, что ее планы на вечер придется пересмотреть.

Напротив керлинг-клуба, через улицу, располагался дорогой супермаркет. Настя убежала на тренировку, а Елена решила зайти за продуктами. Время на подготовку ужина у нее не останется, зато в супермаркете можно купить готовые блюда, по качеству не уступающие приготовленным в ресторане. И сегодня она не поспешит, выберет несколько блюд и хорошее вино. С Маратом о внезапной командировке лучше говорить после того, как он поест. Всякая женщина знает, что сытый мужчина покладистее и добрее.

Спешить было некуда, и она провела в супермаркете около часа. А когда покинула магазин и вернулась к машине с покупками, ее ждал сокрушительный удар.

3

В этот вечер на тренировке у Насти получалось практически все, даже самые сложные броски. Еще бы, она в прекрасном настроении, участвует в обычной тренировочной игре, где нет места волнению. Другое дело – предстоящий международный турнир. Там все нервничают, и побеждает не обязательно сильнейший, а тот, кто в ответственный момент способен собраться, избежать глупых ошибок и показать свою лучшую игру.

Настя училась контролировать эмоции – ведь она же спортсменка! Она стойко переносила замечания учителей и тренера, колкости подруг, претензии бабушки. Она сильная, и справится с любым стрессом. Тем более сейчас, когда добилась права стать игроком сборной страны! Правда, пока ее взяли запасной, но она обязательно себя проявит, как только представится шанс. Для этого нужно немного: тренироваться и не волноваться.

После удачной тренировки Настя покинула керлинг-клуб и направилась к машине. Увидела озабоченную маму и снисходительно улыбнулась. Ни минуты не может мамочка без своей работы. Вот и сейчас около нее вытянулся наряд полиции, она что-то им объясняет, дает указания, требует оперативности. Каждый день одно и то же – мамочка опять ловит преступников. Как будто, больше некому.

Настя подошла ближе. Полицейские неловко перетаптывались, колкое стекло хрустело под их тяжелыми ботинками.

«Откуда столько стекол?» – нахмурилась девочка. Когда она уходила, ничего подобного не было.

И тут она услышала, что говорят о ее сумке. Мама рассказывала полицейским, как выглядит большая спортивная сумка с формой. Вот дела: встретила знакомых и хвастается успехами дочери. Могла бы показать. Зачем столь подробное описание, если сумка в машине за их спинами?

Полицейские расступились, открыв обзор на дверцу машины. Настя увидела разбитое стекло. Ее сердце тревожно екнуло. Девочка растолкала полицейских и распахнула дверцу. На сиденье те же мелкие осколки битого стекла, что и на асфальте, а сумки нет.

– Где? – выкрикнула Настя.

Увидела растерянность мамы и бросилась к багажнику. Открыла его и замерла – пусто.

– Настя, пока я была в магазине... – Мама обняла ее и продолжила говорить.

«Украли», – услышала девочка. Ее сердце ухнуло вниз и тут же подскочило к горлу, мешая дышать. Под глазами стало влажно. А мама задавала дурацкие вопросы: какого цвета были буквы на сумке – синие или белые? Успела ли Настя ее сфотографировать? Может она перечислить, что было внутри?

«У меня крепкие нервы, я держу себя в руках, я спортсменка», – мысленно твердила девочка, сжимая кулачки. А слезы уже лились из ее глаз ручьями.

И она не выдержала, оттолкнула маму и истерически заколотила кулачками в грудь опешившего полицейского:

– Меня не возьмут в сборную, меня не возьмут в сборную, меня не возьмут...

4

Утро у Елены выдалось сумасшедшим. Пока сушила и подкручивала волосы, забыла о каше. Только отключив фен, почувствовала запах горелого. Побежала на кухню. Черт, не успела! Схватила за ковшик, обожглась, грохнула его в раковину под струю воды, туда же сунула руку. Стало легче. Протерла влажной ладонью лоб.

Ну и ладно! В рот все равно ничего не лезет. Обойдемся бутербродами.

Со вчерашнего вечера не только она – вся семья на нервах. Это же надо так опростоволоситься: ушла в магазин, а большую красивую сумку оставила напоказ на заднем сиденье! И кто – она, следователь со стажем, которая знает повадки преступников, как облупленных. Плохо не клади, вора в грех не вводи – элементарная житейская мудрость. Сколько раз она учила Настю проявлять бдительность, рассказывала, что женскую сумочку могут украсть из машины даже на светофоре, а сама...

В итоге разбитое стекло, украденная форма и жуткая истерика Насти.

От горя дочери разрывалось сердце. Уж лучше бы стащили ее сумочку с деньгами и документами.

Поиск по горячим следам ничего не дал, спортивная сумка исчезла. Душевный семейный вечер перед командировкой был сорван. Она планировала вкусный ужин с вином, мягкое объяснение с Маратом, а пришлось подгонять патрульных, успокаивать дочь и ехать в автосервис, чтобы срочно вставить стекло.

Разговор с Маратом получился хуже некуда. Сначала он угрюмо задавал вопросы: когда она познакомилась с Куликом, почему он вызвал именно ее, а потом замкнулся и по глазам было видно, насколько он взбешен неожиданной командировкой. А она еще сдуру похвалила Кулика, ляпнув, что работать с ним – мечта любой...

Ох, да что вспоминать!

В постель легли как чужие. Сон не шел, оправдываться бесполезно, да и не за что ей просить прощения – это ее работа. Отодвинулась на край, подбила подушку и принялась листать материалы о серийном убийце.

Пять не связанных между собой жертв во владимирской и московской областях. Каждый раз убийца оставлял знак в виде фотографии актера Владимира Высоцкого. Сначала убийствами занимались разные следователи, затем, когда поняли, что действует серийный маньяк, следствие возглавил Кулик. Это он придумал имя Живорез – опытный сыщик умеет сформулировать главное. Шестое убийство случилось уже при нем, и качество следствия сразу поднялось на новый уровень. Впервые удалось найти отрезанную кисть руки.

В каком часу Елена забылась – не помнит. Проснулась по будильнику. Вскочила, помыла голову, кое-как собрала дорожную сумку, поставила варить кашу, взялась за фен – и теперь испорченная кастрюля отмокает в раковине.

Зато прическа получилась отменной. Волосы у нее короткие, им важно придать правильную форму, чтобы сзади добавить объем. Выбрала серьги, золотые капельки с камешком, визуально удлиняют скулы, шею – то, что надо.

Пока вертелась у зеркала, Марат оценил, «приласкал» недобрым взглядом:

- Прихорашиваешься для полковника?
- Я, по-твоему, должна выглядеть зачуханной?
- Ты знаешь, что про него говорят?
- Умный и проницательный.
- Что ему никто в юбке еще не отказывал.
- Я надена брюки, Валеев. Лучше позвони оперативникам.

Из спальни, как приведение, появилась бледная Настя с телефонной трубкой в безвольной руке. Вчера бедная девочка выплакала все слезы.

– Ну как? – с надеждой спросила Елена.

– Тренер сказала, что форму изготавливали под заказ в Китае. Запасной нет. Без формы с фамилией на международные соревнования меня не допустят. – Потухший взгляд девочки заметался от Марата к Елене в надежде на чудо. – Нашли?

Валеев опустил руку с мобильным телефоном и мотнул головой. Он только что разговаривал с оперативниками из отделения, на участке которых произошло ограбление.

– Но вы же сыщики, сделайте что-нибудь! – сорвалась на крик Настя.

И Елена убедилась, что по поводу всех выплаканных слез она, пожалуй, ошиблась. Сделала шаг, чтобы обнять плачущую дочь, но та заранее отмахнулась:

– Меня исключат из сборной. Из-за тебя!

Елене нечего было сказать в свое оправдание. Она принялась ожесточенно тереть щеткой подгоревшую кастрюлю, а Марат не решался сесть за стол.

Семейную «идиллию» дополнил приход Ольги Ивановны, мамы Елены, жившей в соседнем подъезде. В отличие от примолкших членов семьи пожилая женщина слов не жалела.

Она явилась в боевом настроении:

– Довели ребенка, постарались. Спасибо, люди добрые. Теперь уезжаешь? Ну, конечно, работа для тебя важнее, чем здоровье дочери. Про себя я вообще молчу. Две машины под окнами, а я в поликлинику таскаюсь, даже если ноги не ходят.

– Мама, – попыталась остановить словесный поток Елена.

– Я уже не мама, а бабушка. И вот, что я решила: ты уматывай, куда хочешь, но Настя здесь не останется. Она будет жить у меня. – Ольга Ивановна косо взглянула на Марата: – Нельзя взрослого мужчину оставлять наедине с девочкой.

– Да я же... – возмутился Марат.

– Кто ты? Кто? – злорадно прервала его Ольга Ивановна. – Ни сват, ни брат, ни муж, ни отец. Я телевизор смотрю, знаю, что мужики вытворяют.

– Приятного просмотра, Ольга Ивановна, – процедил Марат и направился к выходу, так и не позавтракав.

Последнее слово, как обычно, осталось за потенциальной тещей:

– Сначала сумку найди, а потом на пироги приходи! – крикнула она вдогонку.

Елена покидала квартиру с тяжелым сердцем. Только мать, у которой не сердца, может вот так уехать в другой город, бросив дочь в таком состоянии. Девочке нужна поддержка, а она опять служебный долг ставит выше семейных ценностей. Что за служба – маньяк для нее важнее единственной дочери.

Елена спустилась во двор, положила сумку в багажник машины, села за руль и завела двигатель.

Нет, так продолжаться не может. К черту карьерные перспективы! Она позвонит Харченко и откажется от командировки. И сделает это прямо сейчас!

Пальцы сжали телефон, она опустила глаза на дисплей и потеряла бдительность. В этот момент задняя дверца машины неожиданно открылась, и кто-то шустро юркнул внутрь.

Вскинув испуганный взор, Елена увидела в зеркале странную черную руку, поднявшуюся над ее плечом. Рука выглядела неестественно и угрожающе, словно скрывала непонятное оружие. В сознании промелькнул вчерашний звонок: «До скорой встречи, Петля», и ужас сковал ее тело.

Следователь осознала, что не успеет оказать сопротивления.

5

Бывает такое настроение – будто душа наполнена хрустальным перезвоном. Как от звука чокнувшихся рюмочек да не пустых, а по полста коньяка в каждой. Эх, да что там, в подобные минуты и коньяка не требуется – настрой такой, что летать хочется.

А бывает, как сейчас, – желчь жжет, и от нее не избавишься. Разве что кулаком себе под дых, чтобы вывернуло.

Примерно так ощущал себя Марат Валеев, добравшись к месту кражи Настиной сумки. По собственному опыту он знал, что лучшее лекарство от душевных мук – погрузиться в работу. И начинать надо с места происшествия.

Валеев рассуждал, как оперативник: был вечер, темно, супермаркет не из дешевых, на парковке могли пасти беспечных дамочек. Но серьезных воров в первую очередь интересуют женские сумочки с деньгами, а не баулы со шмотками. Скорее всего на красивую сумку позарился кто-то из местных маргиналов.

На парковку к супермаркету, торопливо семеня, подошел молодой полицейский в форме, увидел единственную задумавшуюся фигуру и поспешил представиться:

– Участковый Травкин. Вызывали?

Валеев с сомнением оценил затюканный вид лейтенанта:

– Давно здесь работаешь?

– Два года.

– Пьянчуг и бомжей всех знаешь? Хочу зайти к ним в гости.

– Так вчера наши опера все местные притоны потрясли, ведь сама Петелина пострадала.

«Сама Петелина, знаменитый Кулик», – ревниво подумал Марат. А про него разве что в спину с усмешкой бросят: смотри, тот самый Валеев, который... А дальше припомнят внутреннее расследование или отстранение от службы.

По мелким осколкам стекла, оставшимся на асфальте, Марат нашел место ограбления, осмотрелся. Он стоял на крайней точке парковки, отсюда за угол во двор три шага и прямой выезд на улицу. Для профессионалов удобно. Они работают на машине, но предварительно следят за будущей жертвой и что попало не тащат. По крайней мере, сумка подростка не их профиль.

– А чем стекло разбили? – спросил он участкового.

– Наверное камнем, – равнодушно пожал плечами Травкин.

– Камень остался бы в машине, – возразил Валеев и заглянул за угол.

Там на узкой полоске газона в пожухлой траве валялась бутылка из темно-зеленого стекла. Он приподнял ее, придерживая пальцами за доньшко и горлышко, повертел. Бутылка из-под дешевого коньяка, такой покупают те, кто не хочет себя ассоциировать с любителями водки. Бутылка крепкая, тяжелая, ею вполне можно разбить стекло автомобиля, не лобовое, разумеется, а как вчера – боковое в дверце. Вот и этикетка процарапана, причем снизу-вверх. Если бить по стеклу, держась за горлышко, повреждения будет именно такими.

Валеев сунул бутылку в пластиковый пакет и предал его участковому. Тот принял пакет нехотя:

– Вы думаете, что это улика? Но таких бутылок во дворе...

– Слушай, Травкин, – бесцеремонно перебил лейтенанта Валеев, – маргиналов опера потрясли, я понял. А есть ли у тебя на участке спившиеся интеллигенты? Такие, знаешь, с претензией – бывшие музыканты или художники?

– Есть поэт! – оживился участковый. – Одно время он свои стихи на подъездах развешивал, но я его отучил.

– Крамольные?

– Заумные, и про любовь. Он живет с матерью, та работает, а этот балбес иногда поздравления на заказ сочиняет.

– Веди к нему. Время сейчас раннее, творческая интеллигенция еще не начала опохмеляться.

Звонить в квартиру поэта пришлось долго. Наконец на пороге появился щедушный долговязый парень с большим кадыком и вечно уставшим ликом из той породы, которые и в двадцать пять и в сорок лет выглядят одинаково. Глаза его слипались, он кутался в плед. Удостоверение оперативника, поднесенное к носу, подействовало на заспанного поэта, подобно нашатырю. Парень отпрянул к стене и выпучил глаза.

– Привет, поэт, – Валеев бесцеремонно вошел в квартиру и стал рассматривать одежду на вешалке.

Поэт забормотал:

– Отвлекитесь, послушайте птиц, что нам дарят концерт по утрам. Не спешите, жизнь вовсе не блиц, может нам не хватает крупниц солнца, воздуха, капли добра.

– На добро не рассчитывай, я из ведомства наказаний, – Марат снял единственную мужскую куртку с вешалки, рассмотрел ее и остался доволен: – Рукав порван, разрыв свежий. Зацепился, когда лез в машину за сумкой? Так вчера было? Отвечай!

– Не ругай меня, не брани, ты ведь это совсем не умеешь. Лучше крепко мне руку пожми, наказать все равно не посмеешь.

Марат недоуменно обернулся к участковому:

– Он всегда так?

– Поддерживает творческую форму. Нашему начальнику оду на юбилей за полчаса настроил.

– Представляю. Пригляди за ним, а я квартиру осмотрю.

Осмотр малогабаритной квартиры не занял много времени. Большую спортивную сумку здесь негде было прятать. В последнюю очередь Валеев зашел на кухню. В глаза бросилась бутылка коньяка на столе, точно такая же, что он нашел у супермаркета. На дне бутылки остался алкоголь на пару глотков.

– Ну у тебя и сила воли, оставил на опохмел, – удивился Марат, обращаясь к поэту.

– Желанны в зной и в жаркий вечер вода из чистого ручья, но всех умнее на планете мамуля добрая моя.

– Ага, это мамочка вчера припрятала, чтобы тебе было чем опохмелиться. Заботливая. – Валеев обратил внимание на большую практически полную коробку конфет. – А ты ее конфетами побаловал. Не дешевыми. С чего такая щедрость? Откуда деньги?

– Разбрасываем время в пустоту, занятиям ничемным предаемся, за дело принимаем суету, где нужно плакать – весело смеемся.

– Травкин, он меня достал. – Валеев грозно сжал и медленно разжал кулаки. – Сейчас посмеемся.

Умелым движением Марат заломил руку поэта и ткнул его головой в стол. Плед свалился, голое тело стихоплета прикрывали только трусы. На худой спине было видно, как выкручивается рука в суставе.

Оперативник продолжил выполнение болевого приема, призывая к ответу:

– Ты вчера около супермаркета украл из машины спортивную сумку. Ведь так? Где она? Говори, а то останешься без руки.

Поэт заскулил, показывая, что сдается.

Марат отпустил его, развернул к себе, впившись взглядом:

– Куда ты дел сумку?

Поэт потирал плечо, морщился от боли и бормотал:

– Как много в жизни глупых правил, и все их надо соблюдать, но кто нас этому заставил?
Не лучше ли их нарушать.

Марат вновь вывернул поэту руку и зашипел ему в ухо:

– Еще раз вякнешь в рифму – тебе не жить. Говори нормальным языком: где сумка?

– Да, да, скажу, отпустите!

Марат чуть ослабил хватку:

– Я весь внимание.

– Я обменял сумку у Алки на коньяк и конфеты.

– Из сумки что-нибудь брал?

– Нет, не мой размер.

– Кто такая Алка?

– Продавщица из круглосуточного.

– Я знаю ее, – вмешался в допрос участковый. По болезненному выражению лица Травкина было заметно, что ему претит жесткий подход к подозреваемому. – Ее Алина зовут, она из Молдавии.

Валеев отпихнул измученного парня.

– Отведи его в отделение, пусть оформят чистосердечное. Но если он соврал, я вернусь и тогда...

– Можно? – поэт потянулся здоровой рукой к бутылке с остатками коньяка.

Валееву было все равно, его интересовало другое:

– Травкин, как найти Алину?

– Работает в магазине «Продукты», второй дом справа. С документами у нее все в порядке. Она баба тертая, боюсь, не сознается. А для обыска ведь надо...

– Возраст, как выглядит? – перебил его Валеев.

– Что?

– Сколько ей лет?

– Тридцать пять, наверное. Невысокая, худенькая, обычная.

– Мужик есть?

– Вокруг продавщиц вертятся только такие, как этот, – Травкин покосился на поэта, присосавшегося к бутылке, – или того хуже.

– Спасибо, Травкин. И мой тебе совет: хочешь выслужиться – будь пожестче.

Уходя, Марат слышал бодрую декламацию опохмелившегося поэта: «снегопад расправил крылья, распахнул кафтан, заметил белой пылью весел и чуть пьян...».

И позавидовал – ему бы такое настроение с хрустальным перезвоном.

6

За спиной прохрипело:

– Вот и встретились, Петля.

Голос тот же, что в телефоне, на этот раз с ноткой превосходства. Елена узнала подсевшего в машину человека. Его внезапное появление ее испугало. И, слава богу, худшие ее опасения не оправдались.

Она перевела дух и промолвила:

– Я так поседею, товарищ полковник.

– Во-первых, надо сразу блокировать двери. Во-вторых, настоящий сыщик должен быть готовым к любым неожиданностям. Я изучил вашу характеристику – не верю в идеальных людей – захотелось познакомиться в стрессовой ситуации.

– И как я прошла ваш тест?

– Без бабьего визга, что уже похвально.

Сидящий сзади Борис Евгеньевич Кулик криво дернул губами, видимо, так он улыбался. На нем был черный плащ, застегнутый под горло, и кожаная кепка. В здоровой левой руке он держал портфель, а вот правая...

– Что с вами? – Елена красноречиво посмотрела на напугавшую ее руку, закованную в пластиковый корсет.

– Упал неудачно, врач наложил лучезапястный ортез. Это в столице тротуары ровные, а в провинции..., впрочем, сами увидите. – Кулик поймал ее взгляд и не отпускал. Говорил он тихо, но властно: – Что стоим? В Москве я отчитался, помощницу в вашем лице получил, держим путь на Владимир.

Петелина уже забыла, что хотела отказаться от командировки. Прямой давящий взгляд и беспрекословный тон Кулика действовали на нее подобно приказу. Елена управляла машиной, бросая взор в зеркало на полковника в ожидании хоть какого-то объяснения. Тщетно.

Набралась решимости и высказала недовольство:

– Ваш звонок вчера и сегодняшнее явление...

– А мы не на курорт едем. Шесть трупов за Живорезом, мне нужны сотрудники с крепкими нервами.

– Когда звонили, могли бы назвать меня по имени, а то я невесть что подумала.

– Не понравилось? Петля – лучшее имя для сыщика, – возразил Кулик. – Представьте заголовок: «Петля затягивает удавку на Живорезе». Хотел бы я иметь подобное.

Признание прозвучало искренне. Елена удивилась: действительно, почему самому успешному охотнику за маньяками коллеги до сих пор не дали достойное прозвище.

– Мое прозвище, к сожалению, полностью совпадает с фамилией, – словно отвечая на ее мысли, продолжил полковник. – И знаете почему?

Опыт следователя подсказывал: если собеседник задает подобный вопрос, лучше промолчать, он сам все выложит. Так и случилось.

– В середине восьмидесятых в Иркутске орудовал жестокий маньяк. Насиловал и убивал девочек, мальчиков и даже беспомощных пенсионеров. Держал в страхе весь город. Преступник оказался моим однофамильцем – тоже Куликом, черт бы его побрал. Я тогда учился на следователя, и мы подробно разбирали это дело. Представляете шуточки сокурсников?

– Да уж. – Петелина припомнила историю Иркутского маньяка. Если бы не задержали Чикатило, чье имя и зверства затмили «подвиги» остальных маньяков, Кулик вполне мог стать именем нарицательным.

– А меня зацепило, будоражил вопрос: как врач скорой помощи, типичный очкарик, имеющий семью и интеллигентную внешность, превратился в безжалостного маньяка? Я прошту-

дировал всю доступную литературу о серийных убийцах. Погрузился с макушкой. С тех пор ими и занимаюсь.

– Вполне успешно.

– Только давайте без лесты – маньяки мой крест. Порой ловлю себя на том, что мыслю, как маньяк. Ведь чтобы разоблачить и поймать серийного убийцу надо влезть в шкуру психического урода, представить себя на его месте.

Елена перехватила в зеркале застывший взгляд Кулика. Ей стало не по себе, словно вместо полковника за ее спиной оказался совершенно другой человек.

Некоторое время ехали молча. Когда выбрались из города на трассу, взгляд Кулика оттаял, и Елена задала вопрос, который не давал ей покоя со вчерашнего дня:

– Товарищ полковник, а почему именно я?

– Не догадались? – Кулик продемонстрировал правую руку, сжатую ортезом. – Кто будет писать протоколы, подшивать документы? Нужна женская щепетильность, а ваши дела, старший следователь Петелина, реже других отправляют на доследование.

Краешек губы его снова дернулся, и было непонятно, шутит Кулик, или возня с бумажками – действительно главная причина, по которой Елену включили в следственную группу. Ей стало обидно.

– Да вы не дуйтесь, работы всем хватит, – угадал ее настроение Кулик. – И давай попростому, без «товарищей полковников». Будем общаться, как коллеги, по имени и на «ты». Я – Борис, ты – Лена. Это приказ, майор Петелина.

Елена расслабилась, все-таки Кулик способен шутить.

– Так точно, Борис Евгеньевич, – усмехнулась она.

– Ладно, привыкнешь. А теперь расскажи, Лена, что думаешь о нашем маньяке?

На этот вопрос, в отличие от риторического «и знаешь почему?», нельзя было не дать ответа.

– Я только начала знакомиться с делом. Хотела сначала услышать ваше мнение. Твое, – поправила она, увидев поднятый в назидание указательный палец полковника.

Кулик уселся поудобнее, настраиваясь на долгий разговор, нахмурился.

– Я к этому делу подключился после пятого эпизода. Знаешь, как работали до меня? Хватали и трясали всех подозрительных личностей, прежде всего судимых. Пришлось коллегам толковать: тот, кто похож на маньяка, скорее всего, им не является.

– Интересный парадокс.

– Горький опыт. Не буду описывать все типы маньяков, сразу скажу, мы имеем дело с умным серийным убийцей. С виду он абсолютно нормальный, социально адаптированный человек – имеет работу, жилье, приятелей, возможно, семью и детей. Но, даже если он одинок, этому есть объяснение и не порождает никаких подозрений у окружающих. Наверняка он обаятелен, вызывает доверие, легко сходится с людьми. Его жизнь организована и упорядочена, а преступления хорошо спланированы. Он заботится об уничтожении улики. Если что-то пойдет не так, он скорее откажется от преступления, чем пойдет на риск.

– Как же нам поймать такого умного убийцу?

– Не будем забывать, что этот человек серьезно болен. Внутри него живет демон, которого он может контролировать лишь до определенного предела. Наступает момент, когда демон вырывается наружу, и обычный с виду человек превращается в жестокого маньяка.

– Демон вырывается наружу, – повторила Елена, попытавшись представить зловещую картину. – С чем связан переход от спокойного состояния к агрессивному?

– И с внутренними причинами, и с внешними. Внутри человека, терзаемого маниакальной страстью, разрастается нарыв, который требует выхода. В момент убийства маньяк испытывает особое наслаждение и избавляется от жуткой душевной муки. Поэтому он растягивает удовольствие и убивает не сразу. Сначала обездвигивает жертву, мучит, чтобы полностью

воплотить свои садистские фантазии. Таковы внутренние позывы, а непосредственным толчком к преступлению может служить некий внешний фактор.

– Ассоциации из искаленного детства?

– Чаще всего так, но не всегда.

– А жертвы? Они случайны, или маньяк выбирает их целенаправленно?

– У всех маньяков в больном сознании формируется определенный образ жертвы. Если это насильник, охотящийся на девушек конкретного типа, можно поймать его на живца. Такой случай в моей практике был. Но сейчас обстоятельства сложнее. Сначала я не мог понять, что общего между жертвами?

Петелина припомнила материалы дела и высказала свое мнение:

– Насколько я успела разобраться, все жертвы чиновники разного уровня.

– Да, это так. Но делать акцент на данном совпадении преждевременно и опасно для общества. Не хватало нам, чтобы народ решил, что появился новый Пугачев или Стенька Разин.

– И все-таки?

– Круг жертв, ограничивает круг подозреваемых. Я думаю, жертв убивает кто-то из числа их знакомых или сотрудников.

– Но почему тогда...

– Почему жертвами стали чиновники из разных городов? – предугадал вопрос Кулик. – Во-первых, это соседние города. К тому же, все люди в мире знакомы через шесть рукопожатий, а чиновники через два. Это особая каста.

Елена попыталась представить Живореза. Как он выглядит? Молодой или в возрасте? На кого он может быть похож? На работягу или на интеллигента? В голову лезли известные образы кровавых маньяков, но не один из них не подходил. И вдруг она поняла в чем дело.

– Обычно маньяки охотятся на женщин, а здесь все жертвы – мужчины. И в данной серии не зафиксировано сексуального насилия. Почему мы называем маньяка – он? А что, если это...

– Хотите спросить, может ли серийным убийцей быть женщина? – опять проявил проницательность Кулик. – Такое встречается, но значительно реже. Я сразу относился к этой версии скептически. Теперь уверен, Живорез – мужчина.

– А мотив? Каков мотив у маньяка?

– Получение удовольствия от причинения страданий, упоение властью – все эти мотивы могут иметь место. Но возможно нам противостоит маньяк-миссионер, одержимый идеей улучшить мир.

– Типа Джека Потрошителя? Тот хотел очистить город от продажных женщин, а Живорез – очистить область от продажных чиновников?

– С одним существенным отличием, – покачал пальцем здоровой руки Кулик. – Джека Потрошителя не поймали, а от меня Живорез не уйдет.

Столь категоричное заявление укололо Елену. Почему мужчины так самоуверенны? Ее в начале каждого расследования одолевают сомнения: а вдруг преступник окажется хитрее ее и сумеет уйти от возмездия? А вдруг она допустит ошибку?

И еще характерный акцент в словах полковника покорила ее. «От меня Живорез не уйдет». От него! А как же она, какова ее роль в расследовании? Будет подшивать бумажки или, как сейчас, выполнять функции водителя? Ох уж этот феминизм. Женщина за рулем, следит за дорогой, а мужчина, развалившись сзади, бахвалится будущей победой и, кажется, не прочь подремать.

Елена придала автомобилю ускорение, вильнула к обочине и намеренно проехала через выбоину, чтобы машину хорошенько потрянуло. Кулик вздрогнул, распахнул глаза, уставился на нее.

– Это в столице дороги ровные, – напомнила она.

Кулик поморщился, посмотрел в окно на дорожные указатели. Они приближались к районному центру Владимирской области.

– Надо перекусить, – решил он.

– Как говорит моя коллега Астаховская, которая и в шестьдесят сохраняет привлекательность, каждый съеденный кусок остается во рту две минуты, два часа в животе и два месяца на бедрах.

– Хотя бы кофе, я приказываю. Тебе нужно передохнуть.

– Если это приказ... – Елена свела назад затекшие плечи и согласилась, что отдых не помещает.

– Скоро увидишь указатель на Собинку, сверни туда, – попросил Кулик и добавил загадочно: – Убьем сразу двух зайцев.

Они свернули с главной трассы, проехали пятнадцать километров по узкой дороге и остановились около кафе, на которое указал полковник. Через улицу в глубине небольшой площади, окруженной старыми кривыми деревьями с опавшими листьями, располагалось административное здание с облупившейся штукатуркой.

Выйдя из машины, Кулик замер и долго не двигался. Он всматривался в унылую площадь с мелкими лужами, словно видел там нечто особенное, недоступное остальным.

– Каких зайцев будем убивать? – напомнила Петелина.

– Уже убили, – откликнулся Кулик и медленно повернулся к Елене.

Его глаза будто покрылись ледяной коркой, как пруд в предзимье. На застывшем лице двигались только губы:

– Здесь в прошлую среду Живорез совершил шестое убийство. Я знаю, как это было.

7

В продуктовом магазинчике, состоявшем из нескольких комнат, находились две продавщицы и не было ни одного покупателя. И не сказать, что женщины скучали. Они склонились над прилавком, где лежала раскрытая газета объявлений, и оживленно обсуждали прочитанное.

– Да не смотри ты на возраст, – поучала пышная в груди худенькую. – Сразу спрашивай о работе, если зарплата стабильная, то...

Приход Валеева заставил женщин поднять заинтересованные взгляды. Их глаза-сканеры, в отличие от устройства на кассе, считывали не только штрих-коды. Пышная незаметным движением подпихнула тяжелую грудь вверх, а худенькая прогнулась в спине. Грустный туман в женских глазах сменился мягкой заинтересованностью. Живые сканеры распознали интересного мужчину со стабильной зарплатой.

Валеев скользнул взглядом по женским бюстам, благо, их выставили напоказ, как в армии на построении. Его интересовали отнюдь не размеры женских прелестей, а имена на бейджиках. Худенькая невысокая продавщица оказалась Алиной.

Марат взял корзинку и прошел за продуктами. Дождавшись, когда Алина останется одна у кассы, он вернулся к ней и стал выкладывать покупки. Перед кассиршей появилась лапша быстрого приготовления, замороженная картофельная запеканка, бутылка молока и сдобная булочка. Марат специально выбрал самую черствую.

Алина мгновенно оценила холостяцкий набор, спихнула под прилавок ненужную газету объявлений, пальцы с красными ноготками демонстративно сжали булочку.

– Ой, простите, это старая, завалилась. Я вам принесу сегодняшнюю.

Легкое движение воздуха туда-сюда – и перед Маратом появилась свежая булочка.

– Устал после смены, не заметил. Голодный, – признался он и порадовался, что лишился завтрака. Хоть в этом врать не пришлось.

– А где вы работаете? – поинтересовалась Алина, не торопясь пробивать товары.

– Капитан полиции.

– О! – глаза и рот кассирши приняли форму произнесенной буквы.

– Дома одному тоскливо, решил к приятелю заглянуть, он участковым у вас работает.

– Вы нашего Травкина знаете?

– А что? Регистрация нужна? – Марат посчитал, что можно уже и улыбнуться.

– У меня с документами в порядке. Но подруга собирается приехать.

– Подруга, – мечтательно произнес Марат, – а у меня с подругами...

Он вздохнул и придал лицу скорбное выражение, которое тут же сменилось озабоченностью. Марат разглядывал замороженную упаковку:

– Скажите, Алина, а эту штуку можно в СВЧ разогреть?

– Ну что вы, тут же фольга. Ее надо поставить в духовку.

– Я только микроволновку умею включать, – честно признался Марат.

– Для микроволновки другие блюда. Хотите, покажу?

– Запеканки захотелось. Такую мама в детстве готовила, а я ее с молоком уплетал.

Кассирша деловито переглянулась с напарницей: не упустить же! Та подошла и бухнула на прилавок три бутылки пива.

– Мужчина, пиво возьмите. Сегодня акция – три по цене двух.

Валеев бесхитростно улыбнулся:

– Я за рулем.

Пышногрудая поджала губы и молча кивнула кассирше: везет некоторым, прикрою.

– А знаете, что? – приободрилась Алина. – У меня как раз смена заканчивается, могу научить вас пользоваться духовкой.

– Алина, даже не знаю... – Оперативник расплылся в благодарной улыбке. – Меня Маратом зовут.

– И разве это суп? – Кассирша потрясла баночку сублимированной лапши. – У меня дома есть борщ, вчера приготовила. А борщ на второй день самый вкусный.

– Борщ, – Валеев мечтательно закатил глаза. – И вы меня угостите?

Ответом была широкая улыбка счастливой женщины.

– Тогда и на десерт что-нибудь возьмите, – предложил Марат. – Что вы любите?

Алина не стала скромничать и выбрала ту же коробку конфет, что он видел у поэта.

Продавщица жила неподалеку, но Валеев подвез ее на машине, и даже взял под руку, когда они заходили в подъезд. Хорошо, что путь оказался недолгим, иначе бы он не выдержал – повадки полицейского перли напролом через вынужденную актерскую маску.

Валеев сорвался, как только переступил порог квартиры. Жизнь с Еленой отучила его от бранных слов. Оказалось, что существуют безобидные аналоги, все зависит от эмоций при их произношении. Сейчас он себя не сдерживал:

– Так, гражданка, спектакль окончен. Я действительно опер, и при исполнении могу приносить силу. Ты это понимаешь?

Продавщица похлопала глазами, ничего не понимая.

– Слушай сюда, – пояснил капитан. – Ты возвращаешь сумку, которую вчера приобрела у поэта-алкаша, и я о тебе забываю.

– Сумку? – Глаза Алины начали тускнеть. Она еще не верила, что созданное в ее мечтах будущее, не успев начаться, уже рушится.

– А это что такое?

Марат заметил под вешалкой новые кроссовки. Именно такие были в сумке Насти. Он сверился с размером на подошве – совпадает. И понял, что близок к цели.

– Краденные вещи. Где остальное?

На продавщице не было лица, она молчала. Оперативник втолкнул женщину в комнату, толкнул на диван. Алина прикрыла глаза руками, чтобы скрыть выступившие слезы.

Валеев обошел квартиру, в поисках спортивной сумки. Слезы Насти были для него в тысячу раз важнее, чем обида пособницы вора. Осмотр квартиры ничего не дал.

Он вернулся к продавщице, отдернул ее руки от лица и потребовал:

– Слушай меня внимательно, Алина. Вчера произошло ограбление. Поэт уже признался. Если ты не отдашь похищенное, сделаю тебя не просто соучастницей, а организатором преступления. Пять лет колонии получишь запросто!

– Я ничего не организовывала. Он просил выпить, а я в долг не даю.

– Где вещи?

– Я примерила, все маленькое, только кроссовки подошли. И еще полотенце взяла – там, в ванной.

Марат метнулся в ванную комнату и вернулся с влажным махровым полотенцем с крупной надписью «Russia». Он потряс им над продавщицей, словно грозил придушить.

– Где остальное?

– У меня нет.

– Советую сказать по-хорошему.

– Утром передала через водителя маршрутки дочери в Молдавию. Он в шесть утра уехал.

– Звони, пусть возвращается, – оперативник едва сдерживал ярость.

– Я не знаю телефона, он меняет симку.

– Врешь!

– Я позвоню домой в Молдавию. Обратным рейсом он привезет. Я не воровка. – Алина обхватила голову и затряслась от рыданий.

Валеев посмотрел на часы – микроавтобус не догнать – и почувствовал себя слабым и беспомощным. Ноги подкосились, он плюхнулся на диван рядом с перепуганной продавщицей. Так хорошо все началось – и на тебе! Впору было и ему хвататься за голову.

8

Стемнело. Косые капли дождя монотонно барабанили по черной «хонде». Небольшую площадь с потрескавшимся асфальтом освещали лишь два фонаря, напоминавшие уставших часовых у входа в административное здание.

Зам главы города Мальков вышел из дверей около восьми. В его портфеле лежала взятка за решение вопроса без проволочек. Размашистая подпись под документом – и плотный конверт с купюрами перекочевал из рук предпринимателя в портфель чиновника. Все так обычно, что даже не радуется.

Подняв воротник куртки, Мальков переступил через лужу и плюхнулся за руль новенькой «хонды». В машине было холодно и сыро. Заурчал двигатель, шум теплого воздуха несколько минут боролся с липкой влагой, выдавливая ее к краю лобового стекла.

Легковушка тронулась в путь. Проезжая мимо храма, Мальков перекрестился, благодаря Всевышнего за еще один удачный день. На Рождество он непременно передаст скромное пожертвование батюшке – без лишнего пафоса, лишь пару строк просочится в районную газету. Он бы жертвовал больше, но видит бог, самому на жизнь еле хватает.

Мальков, сбавив скорость, проехал мимо недавно построенного трехэтажного дома с эркерами за кованной оградой. В доме всего двенадцать квартир, только для своих, и в одной из них будет жить он. Ремонт квартиры почти закончен, но сколько же денег уйдет на обстановку, чтобы не отстать от соседей.

А пока он жил в районе разорившейся текстильной фабрики, где его новая иномарка, как бельмо на глазу у спившихся неудачников. Хорошо, что у него есть гараж, а то бы из вредности, что-нибудь стащили или поцарапали.

Нудный дождь не прекращался. Закрывая двери гаража, Мальков пожалел, что не захватил зонт. До дома минут семь, куртка прикрывает только грудь – голова и брюки промокнули. Краем глаза он заметил приближающуюся фигуру под зонтом – позавидовал. А не купить ли ему зонт? Небось, забулдыга обрадуется двум-трем сотням.

Он окликнул прохожего, предложив выгодную сделку. Тот промолчал, Мальков истолковал нерешительность по-своему – чертов крохобор – и показал пятьсот рублей. Ему протянули зонт. Мальков укрылся от холодного дождя и в первое мгновение почувствовал такой прилив счастья, что даже зажмурился.

В этот момент его в шею ужалила оса. Так ему показалось. Но какая оса поздней осенью, да еще в дождь?

Мальков дернулся, увидел шприц-пистолет в руке незнакомца, однако вспышка паники тут же сменилась туманом слабости. Под ноги упал портфель, пятисотку сдуло в лужу к соседнему гаражу, чиновник бы и сам шлепнулся, если бы его не подхватили цепкие руки.

Кулик умолк, его бледное лицо выглядело отрешенным. Петелина не удержалась от похвалы:

– Борис Евгеньевич, я потрясена. Таких деталей нет в деле. Ты рассказываешь так, словно сам это видел.

– Я и сейчас вижу, – загадочно ответил полковник.

Они сидели в простом кафе около окна. Кулику принесли заказанный им омлет с помидорами. Он молча съел его, отодвинул тарелку и обхватил чашку с горячим кофе двумя ладонями, словно у него мерзли руки. Его взгляд вновь устремился за окно.

Он продолжил рассказ о шестом убийстве:

– Портфель у гаража Малькова в тот же вечер обнаружил сосед, сообщил его жене, та позвонила в полицию. Купюру в пятьсот рублей при тщательном осмотре нашли оперативники.

- А зонт?
- Свой зонт Живорез забрал с собой.
- Он следил за Мальковым от площади?
- Рискованно. Я бы на его месте ждал у гаража. Маршрут известен, а место там темное.
- Вы упомянули шприц-пистолет.
- Я предположил. Им может пользоваться любой человек без специальной медицинской подготовки. Удобная штука, ткнул, нажал спуск и готово.
- Но у гаража его не нашли. Кровь, следы расправы на месте тоже не найдены?
- Очевидно, Живорез пользуется машиной. Погрузил Малькова к себе, подобрал зонт и укатил в более тихое место.
- Следы протектора?
- Там гаражи, и шел дождь.
- Малькова потом обнаружили в соседнем райцентре, на скамейке у городской администрации, – припомнила материалы дела Петелина.
- Мертвым, с перерезанной шеей, без кисти правой руки. Убийца подбросил тело на видное место в назидание другим чиновникам.
- А кисть он забирает в качестве трофея?
- Была такая версия. Но когда я начал заниматься этим делом, то сразу предположил, что убийства совершает сексуальный маньяк. Он получает удовлетворение особым способом. Догадываешься каким?
- С трудом представляю, – поморщилась Елена.
- В мире извращений границ не существует, – оживился Кулик, развернулся к Петелиной и стал объяснять, жестикулируя здоровой рукой: – Включи воображение. Мальков в машине, ему дают нашатырь, он приходит в себя. Он связан, с кляпом во рту, чтобы не кричал, и лишь одна рука его свободна. Тело его не слушается, он напичкан обезболивающим, однако находится в сознании. Это и требуется Живорезу. Маньяку нужно видеть реакцию глаз живого человека. Живого! Он расстегивает брюки, вкладывает в ладонь пленника свой пенис и в момент оргазма перерезает жертве артерию. Кровь и сперма изливаются одновременно. Убийца достигает пика наслаждения.
- Мерзкая картина. – Елена отодвинула блюдце с надкусанной булочкой. Есть после услышанного она не могла. – Тогда на руке жертвы должны быть следы...
- Вот именно! Живорез псих, но не дурак! Он отрезает кисть, чтобы не оставить нам образец своего ДНК. Я уже работал во Владимире, когда поступил сигнал об убийстве Малькова. Появился шанс организовать поиски по горячим следам, и я приказал взять служебную собаку.
- Интересно.
- Кулик разочарованно махнул рукой:
- Со служебными собаками беда – теперь их натаскивают только на обнаружение взрывчатки и наркотиков.
- А ты хотел найти отрезанную руку?
- Разумеется. Пришлось использовать природные инстинкты пса – взять кусок аналогичного мяса в качестве образца и...
- Аналогичного? Я правильно понимаю? – ужаснулась Елена.
- Приказал срезать кожу с культи мертвого Малькова.
- Кошмар.
- Не вороти нос, Петля, ты не курсистка. Главное – моя идея сработала!
- Кулик раззадорился, повествуя о своем успехе:
- Где лучше всего спрятать подсолнух? На поле среди других подсолнухов. Если Живорезу кисть не нужна в качестве сувенира, то он ее выбрасывает. Куда? Просто на обочину –

рискованно. Рано или поздно кто-нибудь найдет человеческую руку. А вот если ее спрятать в мусорный контейнер, который вывозят на свалку и закатывают бульдозером, там улику похоронят навсегда.

Елена представила, если бы ей пришлось приказать оперативникам копать ночью в мусорных контейнерах в поисках расчлененки, что бы она услышала в ответ. Нет, для таких приказов надо быть в звании полковника, не меньше.

Кулик подтвердил ее мнение:

– Мы проверили два десятка контейнеров вдоль дорог, по которым предположительно мог проехать Живорез. Как меня все проклинали! И все-таки мы нашли кисть! Умный пес помог. Первый раз за шесть эпизодов была найдена важнейшая улика. И самое главное, как я и предполагал, на отрезанной ладони эксперты обнаружили следы спермы.

Петелина удивилась:

– Я не помню, чтобы в деле...

– Плохо читала, да там и не все копии. Полное дело у меня. – Кулик гордо похлопал по портфелю. – Поэтому твоя версия с женщиной маньяком исключена. Это дело рук мужчины.

– Я, как женщина, только рада. Что дало сравнение ДНК?

– К сожалению, пока ничего, – не скрыл досаду Кулик. – Я же говорю, мы имеем дело с обычным человеком, который еще не попадал в поле зрения полиции. Где-то рядом ходит неприметная личность со звериным нутром. Но подождем, еще один-два случая, и я его...

Кулик сжал здоровый кулак и погрозил неведомому противнику. Правда, тут же осекся, заметив перекосившееся лицо Елены. Он опустил взгляд и стал пить кофе, как ни в чем не бывало. А Петелина вдруг поняла, что полковнику только на руку, если серия убийств продолжится. Чем больше кровавых случаев, тем выше вероятность поймать маньяка. И тем больше почета и славы будущему победителю.

А как же угрызения совести? Может, поэтому в словах полковника не проскользнуло ни капли сочувствия с убитому чиновнику.

– Борис Евгеньевич, вы упомянули, что Мальков взяточник.

– У него в портфеле нашли конверт с деньгами и выяснили, что это взятка.

– Остальные жертвы тоже замешаны в грязных делишках?

– Допускаю, что так. Но их никто не грабил.

– А фотография Высоцкого при Малькове была?

– Как и у всех предыдущих жертв. Высоцкий в роли борца с преступностью капитана Жеглова из фильма «Место встречи изменить нельзя». Фирменный знак, как особое издевательство над правоохранительными органами.

Путь к отелю пролегал через центр Владимира. Петелина с интересом поглядывала на величественные стены и золотые купола древних соборов. Полковник смотрел выше на хмурое небо.

– Тучи собираются, будет дождь. Такая погода – то, что надо для нашего маньяка, – произнес он с азартом любителя рыбной ловли.

– Почему?

– Потому.

– Это тот самый внешний фактор, который является спусковым крючком для маньяка? – припомнила Елена теоретические рассуждения Кулика.

– Почти уверен. Все убийства совершены во время дождя. Долгого, беспросветного, унылого.

– У чувствительных людей в это время ухудшается самочувствие, они пьют лекарства.

– А наш маньяк, чтобы избавиться от страданий, выходит на охоту.

В отеле о приезде еще одного сотрудника из Москвы уже знали. Петелиной выдали ключи от бронированного номера на четвертом этаже.

– А я на первом. Специально попросил, – сообщил Кулик.

– Не любите высоты? – Петелина с детства боялась высоты и подозревала в этом естественном страхе других.

– Чтобы не терять времени в случае экстренного вызова, – отрезал полковник.

Он извлек из портфеля толстую папку и вручил Петелиной.

– Сегодня ты свободна. Отдохни, изучи дело, вот тебе еще материалы. Завтра утром встречаемся в областном УВД, там у нас штаб.

Елена поднялась в номер, опустила сумку при входе, прошла к окну и приоткрыла раму. Свежий предгрозового воздуха дохнул ей в лицо. Небо стремительно темнело, а маковки куполов еще источали золотое сияние, словно накопили тепло и пытались удержать.

Она присела на край широкой кровати и, раскинув руки, упала на спину. После нескольких часов за рулем лежать было особенно приятно.

Вспышка молнии прорезала небосвод и отдалась дрожью в стеклах. На мгновение в полутемной комнате стало светло. Елена заметила на коричневом покрывале лист белой бумаги. Памятка для постояльцев, решила она.

Пальцы подхватили бумагу и поднесли к лицу. Текст оказался необычно коротким. Она успела прочесть его в момент следующей вспышки молнии.

«Вали отсюда, сука, а то пожалеешь!»

9

Длинный белый лимузин плавно плыл по вечерним улицам старинного города. Серая стена дождя и потоки воды под колесами усиливали ощущение, что движется не автомобиль, а прогулочная яхта. Вульгарные огни ресторанов и сдержанная подсветка беломраморных храмов по разные стороны улицы символизировали широту метаний русской души: от пьяного загула до молебна о спасении.

Водителя лимузина Груздева, в силу солидного возраста и философского склада ума, больше тянуло к храмам, однако останавливался он чаще у развлекательных заведений. Выполнял волю клиентов.

Ну что за работа, сокрушался он, одет с иголки, а за версту видно, что слуга. Начищенные ботинки, темный костюм, черный галстук и белая сорочка, которую требовалось менять ежедневно, чтобы клиент, не дай бог, не сморщил носик, когда перед ним в полупоклоне распахивают дверцу.

Простой костюмчик, галстук в тон – вполне терпимо, так выглядят еще не заматеревшие чиновники, к примеру, тот, кого он сегодня обслуживает. По физиономии видно – шальные деньги отхватил, прохвост, и решил гульнуть на радостях, заказал лимузин.

Что особо делало водителя похожим на слугу – так это дурацкая старомодная фуражка и белые перчатки. Точно такую же амуницию швейцары дорогих ресторанов носят. Профессиональное клеймо. Швейцары – зацепился за слово Груздев. Неспешно наматывая круги по одному и тому же маршруту, он имел привычку, как ребенок карамельку, «обсасывать» со всех сторон подвернувшуюся тему. Чем еще заняться, если по инструкции, когда пассажиры в салоне, даже радио нельзя включить.

Швейцария – одна из самых богатых стран, это факт. А ведь когда-то франкоговорящие швейцарцы приезжали в Россию в поисках работы. За их крепкое телосложение и неизменную строгость дворянские семьи нанимали швейцарцев в качестве привратников – так они становились лицом дома, свидетельствуя о его обеспеченности. С тех пор мужицкое словечко «сторож» заменили на возвышенное «швейцар».

Да, в былые времена в Россию валом валили немецкие гувернантки, французские повара, английские бонны, польские няни, рассуждал Груздев. И теперь мигрантов, хоть отбавляй, только нынешние не с Запада прут, а с Востока. Может, привычное слово «дворник» пора менять на «таджибек»?

Седан с шашечками такси резко вильнул к обочине перед лимузином.

– Кретин! – ругнулся обычно флегматичный Груздев, разглядев типичного таксиста-кавказца. И добавил в сердцах: – Слово «водитель» из-за вас я не позволю изменить.

Настроение мгновенно испортилось и стало соответствовать серой дождливой погоде.

Как тупые уроды не поймут, что он не может перестраиваться с бухты-барухты. Лимузин только по высоте похож на легковушку, а длиной с автобус. И управлять им сложнее, чем автобусом. В автобусе сидишь высоко, видишь далеко и зеркало заднего вида имеется, а в лимузине – только боковые.

За спиной непроницаемая стенка, чтобы богатенькие пассажиры могли заняться чем угодно. Они и занимаются. Вот нынешний, явно чинуша средней руки, урвал куш и решил прикоснуться к сладкой жизни. Их компания по прокату лимузинов так и называется «Дольче Вита». Что за мода на иностранные словечки! «Сладкая жизнь» звучит вульгарно, а «Дольче Вита» возвышенно.

Знаем мы эту возвышенность, видели низменные результаты – химчистка салона после каждой второй гулянки требуется.

И никакой фантазии у клиентов, одна и та же программа – море выпивки, девочки по вызову, громкая музыка, разврат. Вот и к этому подседа женщина, а может и мужик – под зонтом не видно. Сейчас с этим просто, были бы деньги. Тошнит от таких клиентов, а приходится улыбаться, помогая выбраться из машины, и кланяться, когда чаевые дают.

Груздев вздохнул и чуть успокоился. Дерьмовая работа, но клиент всегда прав, а если уж совсем зарвется – в договоре прописана денежная компенсация. Кстати, что-то давно клиент ничего не требует – пару остановок всего было – заснул что ли? Водитель прислушался. Нет, под такую музыку не уснешь – даже здесь по ушам бумкает.

Груздев стал поглядывать на часы – ну все, арендованное время вышло. Включил связь с салоном, кашлянул для приличия и вежливо спросил у клиента: куда его доставить?

В ответ – молчание.

Все-таки нажрался и заснул, скотина.

Лимузин остановился.

Водитель вышел, предварительно раскрыв большой зонт. На всякий случай постучал в непроницаемое стекло пассажирского салона, растянул губы в пластиковую улыбку и приоткрыл дверцу.

Звуковые волны, сдобренные парами алкоголя, шибанули в лицо. Помимо запаха коньяка чувствовалось что-то еще – специфическое и тревожащее. Запах был смутно знакомым, но повышенная концентрация меняла восприятие и запутывала память.

– Извините, время закончилось, – вежливо сказал водитель. – Куда вас отвезти?

Ему не ответили. Приглушенный свет в салоне не позволял рассмотреть детали. Груздев наклонился, просунул руку, нащупал кнопку и включил свет.

Сначала он не понял, что увидел. А потом виски ему стиснуло, глаза затуманились, он потерял равновесие и шлепнулся рукой в маслянистое кровавое пятно на коврике.

Так вот, что так пахнет. Не капля, а лужа крови!

Перед глазами у него оказалась окровавленная культия и разрезанные лоснящиеся от крови брюки клиента. Тот сидел, как убитый, откинувшись на кожаном диване. Из нагрудного кармана его пиджака торчала фотография Высоцкого, а на матовом лице застыла гримаса ужаса.

Да он и есть убитый!

Груздев отшатнулся, ударившись затылком о проем. Фуражка слетела с головы и упала на окровавленный коврик. Порыв ветра вырвал из его ослабевшей руки большой зонт, и водитель начал стаскивать столь ненавистную ему белую перчатку, ставшую наполовину красной.

10

Петелина в сотый раз перевернулась с боку на бок. Неудобная кровать, чужие запахи гостиничного номера, вспышки молнии за окном, угрожающая записка, масса жуткой информации по делу Живореза, которую стремился проанализировать возбужденный мозг – все вместе и по отдельности никак не способствовали здоровому сну. А лишь только забылась – неожиданный звонок.

Елена откинула одеяло и схватила трубку.

Первая мысль – что-то с Настей? Вчера дочь не захотела с ней разговаривать. Елена корила себя за пропавшую сумку, но ничего не могла исправить, надеялась на Марата. А он сообщал неутешительные новости.

В телефоне она услышала твердый голос Кулика:

– Я собираю всю группу в семь тридцать.

– Что-то случилось? – не сразу отреагировала Елена, но полковник уже отключился.

Она взглянула на часы – начало седьмого. В голове защелкал поминутный план – душ, завтрак, привести себя в порядок. Прикинула, что надеть, и тут же с вспомнила – забыла вечером развесить одежду на плечиках. В дорожной сумке вещи смялись – вот, растяпа! Есть ли в номере утюг?

Утюг пришлось просить на ресепшен, гладить на постели. Затем провозилась с макияжем: тушь, пудра, блеск для губ, немного теней вокруг глаз – с годами приходилось краситься все больше, чтобы лицо выглядело свежим. Зато в областном управлении полиции десяток пар мужских глаз придиричиво скользнули по приезжей и сделали вывод – столичная штучка.

В комнате совещаний все ждали Кулика. Никто из собравшихся не был знаком Петелиной, и она предпочла дожидаться полковника в коридоре. Вчерашняя записка с угрозой лежала в ее сумочке, она планировала показать ее начальнику. Что скажет?

Разумеется, она выяснила на ресепшен, что номер на ее имя забронировали заранее, значит текст был адресован именно ей. Да и обращение «сука» отсекало представителей мужского пола. Ее заверили, что посторонние могут пройти только в ресторан, сейчас в отеле живут московские следователи, и постоянно заезжают местные полицейские. В общем, безопасное место. Пришлось согласиться, ведь не ядовитую змею ей подбросили в постель.

Кулик появился в управлении ровно в семь тридцать. Подтянут, сосредоточен, хмур, правая рука скована ортезом и прижата к телу. Заметил Петелину в одиночестве, сделал знак, чтобы шла рядом.

Она потянулась за запиской, но услышала:

– Седьмое убийство. Живорез слетел с катушек или, наоборот, бросил нам наглый вызов.

– Новая жертва? – изумилась Елена и вспомнила пророческие слова следователя по особо важным делам. – Вы вчера предсказали...

– Опыт, печальный опыт, – бросил на ходу Кулик. – И чутье.

В памяти Елены всплыло мрачное признание Кулика: «Я мыслю как маньяк». Собственные страхи о записке показались ей мелкими, о такой ерунде и упоминать сейчас не стоит.

Они вошли в комнату совещаний. Полковник коротко представил Петелину, познакомил с присутствующими.

Сколько же народу, позавидовала Елена – около двадцати человек – хорошо быть «важняком». В комнате собрались местные следователи, оперативники, помощники Кулика из Москвы, криминалисты, судмедэксперт и даже психолог.

Кулик занял место в центре, как преподаватель перед студентами, и дал команду помощнику, сидевшему за ноутбуком. Тот щелкнул по клавишам, на плоском мониторе, висевшем в углу, появилась фотография белого лимузина с распахнутой дверцей.

– Вы все уже в курсе: вчера вечером в городе был убит Леонид Рожков – директор департамента транспорта и дорожного хозяйства области. Его убили в салоне лимузина прямо во время поездки. Способ убийства не оставляет сомнений, что это очередная жертва Живореза.

– Чиновник по дорогам, – тихо пробурчал кто-то оперативников.

– На лимузине инспектировал ямы, – ответили ему полусшепотом.

Но Кулик их услышал и громко осадил:

– Вы еще скажите, что дорога и дорого отличаются только одной буквой, остряки.

Опера переглянулись: а ведь и правда!

Сменяющиеся фото на мониторе наглядно подтверждали версию следователя. Лимузин общим планом, салон, тело жертвы в разных ракурсах, культя правой руки, искромсанное ножом бедро, лужа крови, фотография Высоцкого.

– Типичная картина, – подытожил Кулик. – Теперь докладывайте, кто что успел сделать? Капитан Митрохин.

Кулик обратился к старшему оперативнику. Тот выглядел замотанным и не выспавшимся, но говорил без запинки заранее подготовленными фразами:

– Мои люди прибыли на место спустя десять минут после вызова. Дело осложнялось тем, что убийца вышел из лимузина намного раньше и в другом месте. Водитель Груздев был в шоке и дал расплывчатое описание как обстоятельство произошедшего, так и внешности преступника. Мы, конечно, прочесали район, соседние улицы, но ничего подозрительного...

– В салоне тесно. Живорез не мог не испачкаться кровью жертвы. Кровь должна быть и на его обуви, и на одежде. Это явные улики.

– Именно из-за видимых улик Живорез, скорее всего, скрылся на собственной машине. Мы затребовали записи с камер по маршруту лимузина. Будем изучать.

– Кинолога вызывали?

– Шел сильный дождь, собаку по следу пускать бессмысленно. Кинолога мы использовали, чтобы проверить мусорные баки на предмет сброса одежды и отрезанной кисти. – Митрохин понурил голову и развел руки. – К сожалению, ничего не нашли.

– Что скажут криминалисты? Сорин, – Кулик перевел взгляд на щекастого мужчину, лоб которого расчистил себе пространство вплоть до темени.

Сорин удерживал на коленях папку и выглядел чуть набыченным, глядя поверх очков, сдвинутых на кончик крупного носа.

– Собраны все отпечатки пальцев в салоне, сейчас их обрабатываем. Если судить по предыдущим случаям, шансов, что отпечатки принадлежат преступнику, мало. Явных улик убийца не оставил, но мы собрали все, что может содержать образцы ДНК. Будут исследованы также песчинки, остатки напитков, еды. Лимузин сейчас находится под охраной, мы продолжаем работу, первые результаты будут к вечеру.

– А фотографию Высоцкого проверили? Покажите всем, – приказал Кулик помощнику.

Крупный кадр на экране продемонстрировал торчащую из нагрудного кармана пиджака фотографию Высоцкого в роли капитана Жеглова из фильма «Место встречи изменить нельзя».

– Дактилоскопических следов на карточке нет. С уверенностью могу сказать, что это тот же снимок, что и в предыдущих случаях. Отпечатан на такой же бумаге, на том же струйном принтере. – Сорин для убедительности похлопал ладонью по своей папке. – Если принтер найдется, мы однозначно докажем...

– Это понятно, – осек криминалиста полковник и обратился к судмедэксперту. – Токаев, вы осмотрели тело? Что скажете о характере повреждений?

Токаев встал. Он был среднего роста, крепкого телосложения, держался спокойно и уверенно, но не по возрасту седые виски придавали ему несколько печальный вид.

– Поверхностный осмотр тела показал, что жертве произвели укол в шею. Скорее всего, ввели сильную дозу обезболивающего, вызвавшего временный паралич. Кисть была ампутирована еще у живого человека. Затем, очевидно, были перерезаны артерии на обоих бедрах, и смерть наступила от потери крови. В общем, как вы правильно заметили, почерк преступника аналогичен предыдущим случаям. Вскрытие я проведу сразу после совещания, отчет представлю к концу дня.

– Работайте в связке с криминалистами.

Токаев кивнул и сел.

В дверь просунулась вихрастая голова Миши Устинова. На нем были кожаные штаны и кожаная куртка, на плече болтался объемный рюкзак.

На мотоцикле прикатил, догадалась Петелина. Она поспешила предупредить недовольство Кулика и обратилась к полковнику:

– Это эксперт-криминалист Михаил Устинов. Я вчера вам говорила о нем.

– Ах да, новые методы и все такое. Проходите, Устинов. Начальник криминалистической лаборатории Сорин введет вас в курс дела.

Миша взмахом руки приветствовал Петелину и сел рядом с Сориным.

Кулик начальственным движением подбородка указал помощнику с ноутбуком:

– Перейдем к главному свидетелю – Груздеву Ивану Ильичу.

На мониторе один за другим появились снимки водителя лимузина. Он выглядел скованным и настороженным.

– Пока Груздев в статусе задержанного. Необходимо срочно сверить его ДНК с имеющейся у нас спермой Живореза.

– Мои уже работают, – откликнулся Сорин.

– Вчера Груздева допросили. Я ознакомился с протоколом, результат минимальный, – Кулик пробежался взглядом по рядам и остановился на Петелиной. – Елена Павловна, вы займетесь свидетелем. Я вам дам кого-нибудь из оперативников в помощь.

Кулик бросил взгляд на группу оперативников, расположившихся вокруг своего начальника майора Митрохина, и хмыкнул:

– Знаете, что, выбирайте сами. Любого.

Все стихли. Взоры присутствующих были прикованы к эффектной женщине-следователю из Москвы: какого мужчину она выберет – brutального или смазливого, опытного или молодого? Создалось впечатление, что некоторые готовы делать ставки.

Петелина посмотрела на оперативников, каждый был уверен в себе и не отводил взгляда. Это в столице к женщинам начальницам постепенно привыкли, а здесь сильный опер ставил себя выше любой кабинетной дамочки и с вызовом намекал: старшим в нашей паре буду я.

И не таких обламывала, приняла вызов Петелина, но быстро одумалась. Работа в паре с оперативником только подольет масло в огонь Валеевской ревности.

Есть другой вариант...

11

Она заметила в группе оперативников молодую женщину лет двадцати пяти. Та сидела чуть обособленно, сцепив на груди руки. Холодный взгляд подчеркивал ее независимость и своенравный характер.

– Я бы хотела работать с ней, – сделала выбор Елена.

Послышался вздох разочарования. Женщина-оперативник скосила взгляд на Петелину, словно впервые ее заметила, и сосредоточила внимание на полковнике: что скажет он?

Кулик сдвинул брови, прошелся вдоль первого ряда и на развороте ткнул пальцем:

– Лейтенант Тимофеева, поступаете в распоряжение майора юстиции Петелиной.

– В полное? И днем и ночью?

Голос у миловидной женщины оказался неожиданно низким, двусмысленную интонацию она не скрывала, прямой взгляд не отводила. Такая может смутить кого угодно, сделала вывод Елена.

– Совещание окончено, – свернул разговор Кулик и первым покинул помещение.

Задвигались стулья, народ встал, потянулся к выходу.

Лейтенант Тимофеева дождалась Петелину в коридоре у окна. Здесь ее можно было разглядеть полностью. Первое впечатление – женщина-контраст. Черный брови – белые зубы. Черные джинсы – белые кроссовки. Белая блузка с расстегнутым воротом под короткой черной курткой. И даже черный пистолет торчал из белой кобуры, пристегнутой к черному ремню. Где она ее только раздобыла?

– Будем знакомиться? Елена Павловна Петелина, – представилась следователь.

За спиной кто-то на ходу бросил шутку:

– Опять со звездой, Миша-Мишель?

– Отвали, остряк! – тут же огрызнулась оперативница, полыхнув черными глазами.

Петелина обернулась, подумав, что так могли позвать Мишу Устинова. Но Тимофеева объяснила:

– Это меня. На самом деле я Варвара Васильевна Тимофеева, но...

Елена вопросительно смотрела на новую помощницу.

– В машине объясню, – ответила та и не сдержала ругательства: – Достали, козлы!

На парковке перед областным УВД Елена направилась было к своей «тойоте», но Варвара ее остановила:

– Зачем свою тачку гробить? Здесь она будет в сохранности, а я вас на служебной буду возить.

Елена не стала возражать. Она несколько не удивилась, что машина у Варвары оказалась белого цвета с черным салоном и черными колесными дисками. Они сели в трехдверную старомодную, но добротную «Ниву 4x4». Внутри пахло так, будто салон недавно вымыли. Как только под капотом заурчал двигатель, на торпедо под лобовым стеклом закивала головой приклеенная собачка с черно-белыми пятнами.

– Едем допрашивать Груздева? – уточнила Варвара.

Елена кивнула, устраиваясь поудобнее. Когда машина тронулась, она напонила:

– Так что там с Мишелью?

– Старая история, но мужикам лишь бы поржать.

– Если не хочешь...

– Все равно расскажут. Первое время меня посылали на охрану певиц, приезжающих на гастроли. Однажды к нам пожаловала знаменитая французенка с той-терьером. Она свою собачку обожает: сю-сю да сю-сю. И тут, надо же, собачка пропала, исчезла – и все! Как назло, в мою смену. Певица хватается за сердце: без собачки выступать не буду. Продюсер на взводе:

городское начальство билеты в первые ряды купило. Короче, скандал, без собаки концерт срывался, а я, вроде как, крайняя.

– Не повезло, – посочувствовала Елена.

– Не то слово. Обегала всю округу – нет дурацкой собачонки! А времени в обрез, ну я и схитрила. – Варвара помолчала, давая возможность собеседнице домыслить, чтобы лучше оценить ее находчивость. – Купила точно такого же той-терьера, нацепила бантик, как было, приношу, показываю – вот ваше сокровище. Певица в гримерку, и концерт состоялся.

– Она не заметила подмены?

– Перед концертом ей некогда было, а после стала сюсюкаться: моя Мишель, милая крошка – и вдруг, как завизжит! – Варвара хмыкнула. – Оказалось, я купила кобеля, а у нее была сучка.

– Сюрприз, так сюрприз, – представила Елена.

– Я ж тогда не знала, что Мишель – это женское имя. Думала, Миша, значит с яйцами. С тех пор надо мной подшучивают – Миша-Мишель. Вот и кивающую собачку ребята прилепили. Я срывала, а они новую. Привыкла.

– Мужикам только дай повод.

– Из-за них все неприятности. Настоящая Мишель нашлась утром. Ее взял электрик отеля своему терьерчику для случки. Представляете? Типа, вот тебе, дружок, настоящая французенка. Ну кто из них кобель?

– Из России с любовью, – улыбнулась Елена.

– С брюхом! – отрезала Варвара, остановившись на светофоре. Она развернулась к Петелиной, во взгляде читалось искреннее возмущение: – Почему наши мужики от французенок млеют? Я видела эту певичку в неглиже – кожа да кости, а между ног щель – хоть книги выдавай.

– Какие книги? – едва сдерживала смех Елена.

– Энциклопедия пройдет.

Женщины рассмеялись. Сзади раздраженно посигналили – светофор горел зеленым. Варвара выждала паузу – мол, она не из тех, что срывается по первому свистку, – и рванула вперед так, чтобы не догнали.

Теперь Елена окончательно ее рассмотрела. Зализанные назад волосы, короткий хвостик – кокетству предпочитает практичность. Взгляд глубокий, чуть исподлбья – про таких говорят, что может нахамить взглядом, а может и подзадорить. Губы пухлые, свои натуральные – позавидовать можно. Голос внутренний грубоватый, как у исполнительниц цыганских романсов. Наверное, в юности много курила и пила холодное пиво в компании с парнями. Если те приставали, отвешивала подзатыльники.

– Приехали, – мрачным голосом доложила Варвара, будто и не было веселой истории про Мишу-Мишель.

А характер у нее столь же контрастный, как и любимые цвета в одежде, – убедилась Петелина, – и никакой границы для перехода.

12

Когда Петелина вошла в допросную, там уже томился водитель лимузина Груздев и, по всей видимости, долго. Его лицо осунулось, глаза воспалились, за ночь он постарел лет на десять и выглядел стариком, лучшие годы которого далеко позади. Хотя числился он свидетелем, охрана не церемонилась – лишила галстука, поясного ремня и шнурков на ботинках. Одна рука водителя была прикована к скобе железного стола.

– Это еще зачем? – возмутилась Петелина и дала команду, сопровождавшей ее Варваре: – Отстегните наручники.

– Вы адвокат? – с надеждой спросил Груздев, разминая освобожденное запястье.

– Я следователь из Москвы.

– Но я просил адвоката. Я не буду разговаривать пока...

– Вам не требуется адвокат, Иван Ильич. Мы с вами поговорим, и вы пойдете домой.

– Домой? – не поверил Груздев.

– Сейчас мы перейдем в кабинет, где вам будет удобнее. Хотите чаю?

Елена красноречиво взглянула на Варвару, та поняла ее, юркнула в коридор и без церемоний выставила местного следователя из собственного кабинета. Тот, оказавшись в коридоре, выглядел взъерошенным и обиженным. Он полночи допрашивал Груздева, собрал о нем сведения, начиная с рождения, подколол штрафы за неправильную парковку, составил протокол, в общем, трудился как никогда, поэтому проводил московскую гостью осуждающим взглядом: приехала на готовенькое, без тебя бы справились.

Пока Груздев пил чай, Петелина пролиставла показания полицейских, прибывших к лимузину первыми, и протокол допроса свидетеля.

Груздев заметил собственную подпись и подтвердил:

– Я уже все рассказал, честно. Я простой водитель, а мне задают такие вопросы, будто я замешан в этом кошмаре.

– Я вам верю, Иван Ильич.

– Отпустите. Не спал, давление подскочило.

– Вы хотите домой, а мы должны найти убийцу. Это и в ваших интересах. Поймите, здесь вы в безопасности, а дома я это не гарантирую.

Петелина убедительно посмотрела на Груздева. Тот нахмурил лоб, но бессонная ночь не позволяла ему соображать быстро.

Следователю пришлось сказать прямо:

– Вчера вы столкнулись с жестоким убийцей. Это не первое его преступление. Вы утверждаете, что не разглядели его, но если преступник думает иначе? Существует вероятность, большая вероятность, что убийца захочет избавиться от свидетеля.

– Избавиться? – пролепетал Груздев. Такая мысль его посетила впервые.

– Так бывает. И, к сожалению, не редко, – усилила давление Петелина и тут же бросила «спасательный круг»: – Напрягите память и припомните, как он выглядел? Если мы поймаем убийцу, вам не о чем будет беспокоиться.

– Поймаете?

– С вашей помощью, конечно. Первые дни у вашего дома будут дежурить патрульные.

Груздев тяжело вздохнул. Говорил он медленно:

– Мы остановились у ресторана «Гончаров», что в торговых рядах. Ресторан обеспечивает наших клиентов стандартным набором: алкоголь, фрукты, канапе, тарталетки. Был дождь, я не выходил, официант – не клиент, зачем ему помогать.

– Вы утверждаете, что к машине подошел официант? – уточнила Петелина.

– Я видел в боковое зеркало фигуру под большим черным зонтом. Такие в отелях для гостей держат. А кто под ним... – Водитель беспомощно пожал плечами.

– В чем он был одет? Куртку и брюки вы должны были разглядеть.

Груздев потер лоб, силясь вспомнить, но в конце концов помотал головой:

– Нет. Я посмотрел в зеркало, когда уже открылась дверца. Она широкая, человек стоял за ней, а сверху зонт.

– Что было дальше?

– Зонт исчез, дверца захлопнулась, и я поехал.

– Вас не удивило, что официант сел в машину?

– Понимаете, наша компания называется «Дольче Вита», это означает...

– Я знаю перевод.

– Так вот, наши клиенты иногда заказывают эскорт-услуги. Вчерашний клиент был один, я подумал, к нему подседа девушка.

– Вы уверены, что это была девушка?

Болезненная гримаса перекосила лицо Груздева, он мотнул головой:

– Вначале я предположил, потому что это естественно, но... Разве девушка в силах устроить такое?

– Если женщина способна разделать курицу, то и с рукой справится.

– Верно, – закивал головой водитель, окончательно запутавшись.

– Иван Ильич, сосредоточьтесь и попробуйте вспомнить: кто, все-таки, сел в машину – мужчина или женщина?

Груздев сжал губы, обхватил голову, но спустя минуту беспомощно опустил руки:

– Вот раньше был порядок – мужик с бабой, парень с девкой, а сейчас – тьфу, глаза б не видели! Я и не смотрю, чем клиенты занимаются. Да пусть хоть... – Он брезгливо пошевелил ладонью, словно отгонял неприятный запах. – Мне на дорогу смотреть надо. Плавный ход и все такое – в этом моя обязанность. У меня сорок лет стажа, кому попало дорогой лимузин не доверяют. Спросите у начальства.

Свидетель упомянул о своих достоинствах, как поступают большинство подозреваемых, но вместо ответного комплимента, следователь подчеркнула официальный характер допроса. Елена проверила индикатор на диктофоне, который автоматически включала при любой беседе, связанной с расследованием, и демонстративно положила его между собой и Груздевым:

– Итак, продолжим, Иван Ильич. Около ресторана «Гончаров» неизвестный человек сел в салон вашего автомобиля. Когда он вышел?

– Где-то через час. Место я уже указал на карте.

– Кто вас попросил остановиться? Голос был мужским или женским?

– Не было никакого голоса. Я получил сигнал об остановке, в салоне есть специальная кнопка.

– Что вы в этот раз заметили?

– В том месте узкая улица и нет места для парковки. Я прижался наискосок к обочине и смотрел в левое зеркало, чтобы меня не зацепили.

– А в правое совсем не смотрели?

– Услышал, как дверца закрылась. Подождал немного – и поехал. Вы поймите, я же думал, что клиент девицу снял на час. Время вышло – она упорхнула.

– Не лимузин, а бордель на колесах.

Груздев ответил, словно выругался:

– Дольче Вита.

Петелина задумалась: отпустить шофера или нет? Если бы она руководила следствием, то решение было бы однозначным: выпустить свидетеля под подписку о невыезде. Но сейчас

ситуация иная – придется держать отчет перед Куликом, реакцию которого пока ей трудно прогнозировать. Выпустишь – не одобрит. Не даром поручил ей повторный допрос. Вот так всегда: чем выше начальник, тем хуже приходится подследственным.

Елена решила подстраховаться и набрала телефон Миши Устинова:

– Привет, Миша. Освоился на новом месте?

Головастик был явно не в духе. Он отвечал вполголоса, чтобы его не слышали коллеги:

– Новое – это давно забытое старое. Я уже забыл, что бывают такие приборы.

– Давай без ворчания. Шерлок Холмс и без этого работал. Лучше скажи, вы сравнили ДНК Груздева с образцом Живореза?

– Елена Павловна, здесь допотопное оборудование. К вечеру управимся.

Ну что ж, вот и решилась ближайшая судьба важного свидетеля. До вечера с освобождением торопиться не следует.

Петелина вернулась за стол, от которого отошла во время телефонного разговора. Она вспомнила про убийство в Собинке, о котором так красочно поведал Кулик. Пока с Груздева не снято подозрение, она обязана проверить его алиби по предыдущим случаям.

– Иван Ильич, у вас есть личный автомобиль?

– Да, а что?

– В прошлую среду вы не работали. Чем вы занимались в тот вечер?

– Вы на что намекаете? – насторожился водитель.

– Возможно выезжали из Владимира в соседний райцентр? В тот вечер тоже шел дождь.

Груздев отшатнулся на спинку стула, раздул ноздри:

– Я понял к чему вы клоните. Вы сказали, не первый случай.

– Вы были в среду в Собинке? – продолжала давить следователь.

– Баста, теперь без адвоката ничего не скажу. Не дождетесь!

– Тогда вы останетесь здесь. Мы имеем право задержать вас на двое суток.

– Двое суток! – вышел из себя Груздев.

– Здесь вам будет безопаснее. А мы пока проведем обыск в вашей квартире.

– Да что ж это такое...

Петелина покинула кабинет и объяснила местному следователю свое решение. Тот одобрительно кивал, а Елену мучили угрызения совести. Так всегда: очаровать, пообещать, вселить надежду, однако выполнение обещаний зависит не от ее воли, а от интересов следствия. Дерьмовая работенка.

Она вышла на свежий воздух. После неудачного допроса ей не терпелось заняться чем-то другим. Она понимала, что расстраиваться глупо, следствие – это не прямая дорожка к цели и не метания в потемках, а выбор направления среди разветвляющихся дорог и отсечение ложных путей.

Варвара ожидала ее, опираясь на капот служебной «Нивы». Черная фигура на фоне белой стали смотрелась особенно эффектно.

– Ресторан «Гончаров» далеко? – спросила Елена.

– Рядом.

– Тогда поехали.

Женщины сели в машину. Варвара выехала на улицу и проинформировала:

– Наши ребята в «Гончарове» уже были, я поболтала с ними.

– И что?

– В ресторане действительно получили звонок от водителя лимузина, что он подъехал.

Но когда официант вынес заказ – машины уже не было.

– Сколько времени прошло?

– Минут пять-семь.

– Кто-то поджидал лимузин и опередил их.

– В ресторане не стали заморачиваться – заказ оплачен. Подумали, что заедут позже.

– Убийца сунулся в машину под видом официанта. Рожков не сразу сообразил, кто перед ним, а когда понял, было поздно. Живорез приступил к кровавому спектаклю. Часа ему хватило, – вслух рассуждала Елена.

– Но как он узнал, где и когда?

– Есть три варианта. Следил за жертвой. Утечка сведений из «Дольче Виты» или из «Гончарова». Что скажешь об этом ресторане?

– Пафосное место для богатых туристов. У наших бизнесменов и чиновников тоже пользуется популярностью. Осуществляют доставку, данные вбивают в компьютер. Журнал заказов мог посмотреть любой из сотрудников – что, куда, в какое время.

– А посетитель? Заказы распечатывают?

– Я думаю, в нескольких экземплярах: повару, бармену, администратору.

– Ну, вот, у нас есть рабочая версия.

В этот момент в машине сработала рация, настроенная на общую частоту следственно-оперативной группы под руководством Кулика.

«Внимание всем. Поступило сообщение, что главе областного департамента Ивакину доставили заказ из ресторана «Гончаров»: стейк с овощами. В блюде обнаружены мужские пальцы. У секретарши обморок, нам позвонили не сразу. Приметы курьера – на вид около двадцати пяти, светловолосый, худощавый».

– Вот и пальчики нашлись, – прошептала Елена, представив себя на месте секретарши, сервирующей блюдо.

– Живорез не без фантазии – то полюбоваться даст, то на вкус попробовать. – В голосе Варвары сквозь цинизм проскользнуло одобрение. – Представляю, что сейчас творится в областной администрации. Мы туда?

– В ресторан, – настояла Петелина.

– У нас не соскучишься, вчера труп, сегодня пальчики. – Варвара отвлеклась от дороги и кольнула взглядом следователя: – Еще не пожалели, что к нам приехали?

13

Валеев надавил кнопку звонка. Дверь открыла Ольга Ивановна.

– Здравствуйте, я к Насте, – вырвалось у Марата. Общение с чокнутым поэтом оставило подспудный след в его памяти.

– Привет, явился на обед? – подколола теща.

В прихожую вбежала Настя. После отъезда мамы она проживала с бабушкой. Взгляд девочки скользнул по рукам гостя, она протиснулась между ним и бабушкой, изучила каждый угол прихожей и разочарованно уставилась на Валеева:

– А сумка?

– Вот. – Марат распахнул принесенный пакет. – Я нашел твои кроссовки. Посмотри, проверь. А еще полотенце.

Протянутые кроссовки легли на ладони девочки, однако вместо радости она готова была заплакать. Секунду боролась с собой, потом дернула руками, и кроссовки свалились на пол.

– Мне не нужны кроссовки, их можно заменить. Мне нужна форма, спортивная форма с моей фамилией... Где она? Где моя сумка?

– Понимаешь, я не успел, сумка поехала в Молдавию. Но туда позвонят и...

– В Молдавию? – насторожилась Ольга Ивановна. Она приняховивалась к перехваченному полотенцу. – Им пользовалась какая-то баба. Ты от кого притащил? И смеешь совать Насте. А если твоя баба заразная?

– Да не моя она. Обычная продавщица.

– Успокоил, зятек.

– Да что вы пристали к этому полотенцу! – Настя вырвала полотенце и швырнула на пол.

– Помой руки. С мылом помой! – тут же scomандовала бабушка.

– Мне нужна спортивная форма: толстовка, поло, жилетка с моей фамилией. Два комплекта, такие же как у остальных девочек. Без формы меня не допустят до соревнований, меня вообще не возьмут в сборную! А вы про какое-то полотенце.

Настя отпихнула Марата и убежала в свою комнату, хлопнув дверью.

Ольга Ивановна угрожающе зашипела:

– Довел девочку. Спасибо, зятек. Это же надо до такого додуматься: полотенце от гулящей бабы притащить.

– Я хотел...

– Свои хотелки оставь при себе, не впутывай в них Настю.

– Да что вы несете! – сорвался Марат.

– В моем доме не кричи. Если ты такой беспомощный, я сама решу проблему. Теперь понятно, почему ты до седых волос в капитанах застрял. Сыщик называется.

– Я – оперуполномоченный, – насутился Марат.

– Вас как не назови: милиция, полиция, а добро украдут – считай, с концами.

– Я почти нашел сумку.

– Почти муж, почти майор, почти нашел. А чего до сих пор здесь толчешься? Где сумка? – Ольга Ивановна выдавила взглядом Валеева за дверь и напоследок крикнула: – Без тебя справимся, почти зять!

Избавившись от гостя, она подошла к Настинной комнате и вежливо постучала в запертую дверь:

– Настя, успокойся, моя золотая. Я знаю, что делать. Мы купим новую форму, точно такую же.

– Она сделана по заказу, – захныкала Настя.

– Кто производитель одежды? Спроси у девочек, пусть посмотрят на ярлыки. Сфотографируют и пришлют тебе.

Дав указание внучке, Ольга Ивановна взяла телефонную трубку и угнездилась на диване. Она звонила отцу Насти, бывшему мужу Елены, Сергею Петелину. Рассказав ему об украденной спортивной форме, расстроенной внучке, и обвинив во всем нерасторопного Валеева, она попросила денег на покупку новой формы.

– Без проблем, – заверил бизнесмен. – Дам сколько нужно, держите меня в курсе.

Ольга Ивановна закончила разговор с ласковой улыбкой. А может и зря она раньше пилила бывшего зятя.

14

Морально устаревшая «Нива 4х4» не была предназначена для быстрой езды, да и юркой ее не назовешь. Но Варвара вела машину столь агрессивно, что даже крутые джипы шарахались в сторону. Каждый понимал, столкнуться с бешеной старой тачкой – себе дороже.

Варвара лихо подкатила к ресторану «Гончаров», ударила по тормозам, окинула цепким взглядом машины на парковке. Ее белые зубки победно ощерились.

– Я первая, наших еще нет. – Она расстегнула кобуру, достала пистолет, взвела затвор и только тут словно заметила Петелину: – Вы думаете, что курьер, притащивший пальчики – наш маньяк?

– Не исключено. Хотя им может быть любой другой работник ресторана.

– Подкинул пальчики – и чист.

– Ты сказала, что ресторан популярен у чиновников, – вспомнила Елена, – а все жертвы Живореза, как раз...

– Точно! Вот, где он их пасет. – Тонкие ноздри девушки хищно раздулись, она сверкнула глазами: – Будем брать, или предпочитаете дожидаться мужиков?

Вопрос был задан с подтекстом: ну что, слабо? Петелина приняла вызов:

– Терять время нельзя, мы обязаны задержать курьера. – Она распахнула дверцу и приказала: – За мной!

– Надо перекрыть запасной выход во двор, – остановила ее Варвара. – У вас оружие имеется?

– Не думала, что понадобится.

– Тогда я перекрою запасной выход, а вы дежурьте в машине. Если увидите подозреваемого, сообщите по рации, вас услышат все экипажи.

Несомненно, оперативник лучше знала, как действовать при задержании. Но Петелина не хотела, чтобы в первый же день ее заподозрили в трусости. Она решительно возразила:

– Будем действовать по-другому. Ты ступай к запасному выходу, а я зайду с главного.

– Уверены?

– У Живореза нет огнестрельного оружия. По крайней мере в материалах дела оно не фигурирует. А нож... – Елена пыталась бодриться: – Против ножа у меня женская сумочка, набитая документами. Испытанная защита.

Варвара не оценила шутку. Она молча кивнула и как-то быстро исчезла. Вместе с испарившейся вооруженной помощницей у Елены пропала уверенность, с которой она отдавала приказ. Появились ненужные мысли: нож тоже оружие, хотя и холодное, и Живорез доказал, что умеет с ним обращаться.

Однако отступать было поздно, авторитет завоевывается годами, а теряется в минуту. Она перед выбором, которого на самом деле нет.

И следователь отбросила сомнения.

Шаг из машины – время для нее будто спрессовывается, а нервные окончания электризуются.

Елена поднимается по ступенькам, входит в ресторан, ее организм настроен на опасность, как локатор боевого самолета. Глаза сразу ощупывают зал – посетители не в счет, а вот сотрудников стоит опасаться – каждый из них может оказаться таинственным Живорезом. Например, тот subtilный официант – метнул внимательный взгляд в ее сторону. Официанту легко подслушать разговоры посетителей, узнать их планы. А при встрече с ним жертва сначала задумается: где-то я его видел. Минутной расслабленности достаточно, чтобы вколоть шприц, тем более, если пользоваться шприцем-пистолетом.

Елену трогают за плечо, она вздрагивает. Невесть откуда появившийся гардеробщик, предлагает сдать верхнюю одежду.

Как бесшумно он подошел, словно неуловимый преступник. А если бы в его руке был шприц? Еще есть повара, привыкшие орудовать ножом. И тот же курьер, доставивший отрезанные пальцы. А если они в сговоре и прикрывают настоящего маньяка? Убийца вообще может здесь не работать, а получать нужную информацию.

Пора разворошить этот улей и посмотреть на реакцию.

Елена показывает удостоверение подошедшему официанту, и громко сообщает, что ищет худого светловолосого парня лет двадцати пяти, подозреваемого в убийстве. Официант тушует, он тоже подходит под описание. Неловко оправдывается – он такой не один.

Прекрасно! Петелина требует собрать всех сотрудников на кухне. Входную дверь запечатать, никому не выходить. Объясняет посетителям, что в ресторане проводится оперативно-следственное мероприятие. Те цепенеют. В глазах персонала непонимание и страх.

Цель достигнута, все взбудоражены, волнение нарастает. Кто сорвется первым?

А снаружи слышатся сирены приближающихся полицейских машин. Это усиливает панику. Посетители намереваются уйти, а сотрудники один за другим исчезают в служебных помещениях. Елена спешит за ними.

Вот кухня – кастрюли, сковороды, плиты, и острые ножи любого размера. Боевой арсенал для Живореза. Сотрудники растеряны, но не все. Елена видит, как светловолосая макушка спешит по проходу и исчезает за дверью. Она за ним – там подсобка с холодильниками и коробками, на длинном столе упакованные заказы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.